

Главному злодею снова три с половиной года [ ] [ ]: Глава 29. Совместные игры

Yánchéng Tàishòushēng

Лу Ао встал на цыпочки, вытянул ручонки, животиком упёрся в тумбочку и с величайшей осторожностью притянул к себе ту самую фотографию.

Деревянная рамка, стекло, да и сам снимок был сделан, прямо скажем, без особого мастерства.

Двое подростков в летних белых рубашках — школьной форме уездного городка — стояли плечом к плечу у ворот школы под развесистым баньяном, запечатлённые на этой фотографии.

«Неужели это они?»

Лу Ао нахмурил личико, придвинулся поближе и впился взглядом в двоих на снимке.

Спустя три секунды он отвёл фото в сторону и устремил взгляд на двоих в ванной.

Дверь в ванную была приоткрыта, и Цзян Чжиюй как раз...

А нет, вернее сказать, «получал услуги».

Цзян Чжиюй стоял с закрытыми глазами, руки упёрты в бока, голову слегка запрокинул — и всё это с видом, как будто так и должно быть.

Лу Синъюань тоже играл свою роль: держал в руках хорошо отжатую мочалку и аккуратно, словно умывая котёнка, вытирал ему лицо.

Эти двое вечно вели себя так, будто малыша рядом вовсе нет!

Лу Ао, не разглаживая морщинок на лбу, поднял фотографию и начал водить ею перед глазами, то и дело сверяя снимок с реальными людьми.

Как раз в момент третьей сверки Цзян Чжиюй вдруг неизвестно почему фыркнул.

Цзян Чжиюй рассмеялся, его глаза превратились в полумесяцы. Он схватил руку Лу Синъюаня и с нарочито-жалобным придыханием затянул:

— Щекотно-о-о!..

Когда он смеялся, были видны восемь беленьких зубов.

Уголки губ Лу Синъюаня тоже невольно дрогнули. Он опустил взгляд на Цзян Чжиюя, и в его глазах заплескалась нежность.

«Точно! Вот оно, это выражение!»

Лу Ао поднял фотографию, совмещая изображение с реальностью.

Один в один!

Те двое старшеклассников на фото — и вправду его папа и большой папа!

Но откуда у них... такая фотография?

Неужели этот пресловутый «договорной брак» — вовсе не знакомство через сватов, как думал Лу Ао, а... обручение с пелёнок?

Или же Цзян Чжюй и Лу Синъюань специально прикинулись моложе, надели школьную форму и сделали этот снимок?

Такое тоже вполне возможно.

Если дело касается Цзян Чжюя, Лу Ао ничему не удивлялся.

Но всё же... Лу Ао пребывал в полном недоумении.

Он почёсывал голову, готовый прочесать её до дыр, но так и не мог понять.

— Аоао?

Внезапный оклик заставил Лу Ао вздрогнуть. Рука дрогнула — и фоторамка полетела вниз.

Лу Ао инстинктивно потянулся поймать её, но кто-то опередил его: рамка точно приземлилась в чью-то ладонь.

Он опомнился и увидел, что Лу Синъюань присел перед ним на корточки, а Цзян Чжюй, согнувшись, опирался руками о колени. Оба внимательно смотрели на него.

Цзян Чжюй улыбнулся:

— Что это ты тут делаешь? Тайком конфетку ешь?

— Нет же, я не ем конфетку, — удивился Лу Ао. — У меня во рту пусто.

— Разве фотография папы и большого папы — не сладкая «конфетка»?

— ...

Эта «конфетка» была явно не той конфеткой.¹

Примечание 1: Я знаю, вы скучали по каламбурам Цзян Чжюя. Каламбур с «конфеткой» (糖 — tángguǒ): Цзян Чжюй использует слово «конфетка» (糖 — tángguǒ) в переносном смысле, намекая на то, что их совместная фотография должна быть «сладкой» как конфета.

Лу Ао замолчал.

Цзян Чжюй рассмеялся, легонько ущипнул его за щёчку:

— Не корчи такую брезгливую рожицу, Аоао. Или, может, ты уже наелся этой «конфетки»?

Лу Ао поспешно возразил:

— Да не конфетка это вовсе! И я не наелся!

— Тогда пошли, спустимся пообедать.

— М-м...

Цзян Чжюй взял маленькую ручку Лу Ао, дождался, пока Лу Синъюань поставит фоторамку

обратно на тумбочку, и все трое спустились вниз. К счастью, лестница в их частном доме была достаточно широкой, чтобы двое взрослых и ребёнок могли идти рядом.

Лу Ао поджал губки, поднял голову и наконец решился спросить:

— Это... ваша свадебная фотография?

— А? — Цзян Чжиюй опешил. — Свадебная?

— Ага, — серьёзно подтвердил Лу Ао. — У свадебных фото бывают разные темы. Вы выбрали школьную, надели форму и сделали свадебное фото. Так ведь?

Это было самое логичное объяснение, до которого додумался Лу Ао.

— Нет, не угадал, — с улыбкой поправил его Цзян Чжиюй. — Это просто фотография, которую папа и большой папа сделали вместе, когда им было по шестнадцать и они учились в школе. Разве не заметил? Большой папа сейчас выше, чем на этом фото.

— Значит, вы познакомились очень давно?

— Очень-очень давно, да.

Лу Ао хотел спросить ещё, но папа уже направился на кухню за посудой, а большой папа, усадив его в специальный стульчик, принялся вытирать стол.

Лу Ао опустил голову. Он снова ничего не понимал.

***

Вчера вечером они ели хого, и много ингредиентов ещё осталось.

Дедушка Чжан приготовил домашнюю лапшу ручной работы, бросил в кастрюлю оставшееся мясо, овощи и шарики для хого — получилась большая мешанина², и на удивление вышло очень вкусно.

Примечание 2: «□□□» (dà luàn dùn): дословно «большая хаотичная тушёнка». Описывает блюдо, где много разных остатков сварены вместе.

После обеда дедушка Чжан собрал посуду и поднялся отдохнуть, оставив троицу присматривать за магазином на первом этаже.

В обед тоже заходило немало студентов, поток не прекращался.

Лу Синъюань отвечал за поиск нужных товаров по просьбам студентов и отвечал на их вопросы.

Лу Ао и Цзян Чжиюй сидели за кассой, принимая оплату. Цзян Чжиюй принёс вниз детский стульчик Лу Ао, чтобы тот мог работать сидя, а не стоять всё время.

Лу Ао принимал деньги и внимательно наблюдал.

После обеда студенты не спеша подходили, выбирали эскимо, брали холодный напиток. А если после обеда была физкультура, такая покупка становилась обязательной.

Сейчас был только апрель, но потом дни будут становиться всё жарче, и спрос на мороженое и прохладительные напитки точно вырастет.

Но в их супермаркете пока был только один горизонтальный морозильный ларь и три маленьких вертикальных холодильника. Ассортимент и количество напитков были ещё более-менее удовлетворяли базовые нужды студентов, а вот с эскимо уже было туго — когда народу много, им приходилось толпиться у витрины.

Лу Ао мысленно записал в свой блокнотик: нужно закупить больше напитков и мороженого. По возможности — освободить место и поставить ещё один холодильник.

Кстати, он же помнил, что у Цзян Чжия в семье как раз был свой...

Внезапно чьи-то пальцы сложились «ножницами» и прикоснулись ко лбу, разглаживая нахмуренные бровки.

Он повернулся и встретился с нарочито строгим взглядом Цзян Чжия:

— Аоао, сколько раз говорил — малышам нельзя хмуриться! Иначе скоро морщинки появятся.

— Это знак глубоких раздумий, — с серьёзным видом заявил Лу Ао. — В следующий раз, увидев у меня такое выражение лица, не мешай. Дай этому малышу побыть в тишине.

— Ах ты маленький проказник! Важность на себя напустил, — расхохотался Цзян Чжия. — В следующий раз, как замечу твои нахмуренные бровки, я не только помешаю, но ещё и утюгом твой лоб разглажу! Шшшшшш! — он изобразил шипение утюга. — Как шашлык на гриле. Выжгу тебе на лбу Небесное Око — станешь вторым Эрлан-шэнем!З

Примечание 3: «Небесное Око» / «天眼» (Tiān Yǎn): Мифическая концепция, часто ассоциируемая с богом Эрлан-шэнем (二郎神 - Èrláng Shén), у которого есть третий глаз во лбу, дающий ему особые способности видеть правду и магию.

Лу Ао поспешно прикрыл лоб ладошкой. Как страшно!

— Папино правило: у малышей не должно быть забот. Будь веселее!

Даже мысли малыша хочет контролировать? Вот деспот!

Цзян Чжия, кажется, прочитал его мысли. Скрестив руки, он слегка задрал подбородок с победным видом:

— Ну и что?

Проказливый папа всегда превзойдёт проказливого сына!

Лу Ао встал в своём стульчике и нарочито сказал:

— Цзян Чжия, у меня... голова чешется.

— Голова чешется? — Цзян Чжия не понял. — Позавчера же мыл голову? Ладно, вечером помоем.

— Не в этом дело! — серьёзно возразил Лу Ао. — Я хочу сказать: если будешь продолжать меня обижать, я тебя бодну!

Цзян Чжиюй больше всего боялся его крепкой лобовой атаки. Ещё в больнице стояло Лу Ао чуть привстать, как Цзян Чжиюй хватался за сердце и отступал.

Но на этот раз Цзян Чжиюй просто раскинул руки, демонстрируя полное спокойствие:

— Милости прошу боднуть.

Лу Ао удивился:

— Ты почему не боишься?

— Аоао, раньше, когда ты хотел меня боднуть, ты бросался сразу, без предупреждения, — с понимающим видом заявил Цзян Чжиюй и громко провозгласил: — Значит, малыш Аоао уже жалеет своего папу и не хочет его бодать!

Лу Ао стоял в стульчике, сжав пухлые кулачки, его личико пылало:

— Ничего подобного... Я не жалею! Не выдумывай! Я...

И в этот самый момент из-за стеллажей вышел Лу Синьюань.

Лу Ао, словно нащупав слабое место Цзян Чжиюя, указал на него и громко заявил:

— Тогда я пободаю твоего мужа!

Лу Синьюань нахмурился, его лицо выражало полное недоумение:

— Муженёк, я же ничего не сделал.

Цзян Чжиюй, едва сдерживая смех, махнул ему рукой:

— Ничего, ничего.

Лу Ао, увидев его выражение лица, словно ухватился за улику и сказал Цзян Чжиюю:

— Твой муж тоже нахмурился! Быстро прижги утюгом!

Брови Лу Синьюаня сомкнулись ещё теснее:

— Ваше превосходительство сяо Юй, хоть скажи, в чём я провинился.

Цзян Чжиюй рассмеялся, его глаза снова превратились в полумесяцы. Он сложил пальцы «ножницами»:

— Иди сюда, я «утюгом» тебе разглажу.

Лу Синьюань подошёл и покорно склонил голову перед Цзян Чжиюем.

Молодая парочка переглянулась и улыбнулась.

Лу Ао надул губки, фыркнул и отвернулся.

Эти двое опять за своё!

***

В два часа дня в школе прозвенел предупреждающий звонок⁴.

Примечание 4: «铃声响» (yùnbèi língshēng): Звонок в китайских школах, сигнализирующий о скором начале урока (обычно за 2-5 минут), дающий время ученикам подготовиться и занять места.

Студенты поспешно расплатились, схватили покупки и устремились к выходу из супермаркета, успев на бегу бросить Лу Ао комплименты вроде «Какой милый!».

Среди толпы две фигуры, большая и маленькая, двигались против потока.

— Гу Бай, стой! Ты даже обувь как следует не надел, куда бежишь?!

— Я же договорился с Аоао, что в обед вместе будем продавать! Аоао меня не позвал, ты меня не разбудил, вот я проспал, и все уже ушли!

— Да я тебя не будил? Три раза звал! Ты спал как поросёнок, как такого разбудишь?!

— У-у... Я не поросёнок...

Лу Ао, услышав их разговор, высунул голову из-за кассы и обернулся.

Он увидел Гу Бая, стоящего на тротуаре. Волосы у него торчали во все стороны, на щеке красовался отпечаток от подушки. Куртка висела на одном плече, болтаясь, как погремушка. Одна нога была обута, другая — нет. Весь его вид напоминал беженца.

Он протягивал маленькую ручку, пытаясь удержать покупателей:

— Не уходите! Купите ещё хоть что-нибудь, а?

Студенты спешили на уроки, толком не разобрав его слов, но, видя протянутую руку, по привычке давали ему «пять».

— Привет, малыш сяо Бай из чайной! — прокричал кто-то на бегу.

Чжоу Шо догнал сына, подхватил его на руки и, тяжело дыша, устало прислонился к дверному косяку:

— Ты... настоящее наказание... — он вытер пот со лба и кивнул троице за кассой: — Извините, опять наше наказание к вам пришло.

— Пока-пока, вечером увидимся! Обязательно куплю ваш молочный чай вечером! — кричали покупатели, безжалостно обходя его широким шагом.

Над Гу Баем словно сгустилась туча, пролившись ливнем, который промочил малыша до нитки.

Чжоу Шо шёл за Гу Баем. Он поднял слетевший с ножки ботинок и поставил перед ним и присел на корточки:

— Ладно, давай сначала обуемся.

— Не хочу! — Гу Бай поднял голову к небу и громко заявил. — Я упустил шанс поиграть с Аоао! Я никогда себе этого не прощу!

— Неужели так хочется поиграть с Аоао? Прямо напасть какая-то, — Чжоу Шо потёр ладонью лоб. Хотя говорить не хотелось, приходилось брать себя в руки и успокаивать малыша. — Тогда я пойду что-нибудь куплю? Пусть большой папа будет покупателем, а вы двое примете мои деньги?

Гу Бай отвёл взгляд от неба, глаза загорелись:

— Правда можно?

— Можно. Большой папа сделает много покупок, а вы с Аоао много раз примете деньги.

— Ура-а-а!

Гу Бай тут же воспрял духом, надел ботинок и помчался дальше:

— Аоао, я иду! И покупателя тебе привёл!

— Продажный малыш, — сквозь улыбку процедил Чжоу Шо. Вкальваешь, открываешь чайную, зарабатываешь немного денег — а они все уходят на соседний супермаркет: то закуски, то бытовые мелочи. Порой ему даже казалось, что он работает на Цзян Чжиюя и Лу Синьюаня. Знал бы — сразу супермаркет открыл!

Чжоу Шо поднялся и пошёл за Гу Байем.

— Большой папа, купи сначала две пачки кислых Q-конфет, я с Аоао хочу поесть.

— Не куплю. Дома стиральный порошок как раз кончился, куплю пачку.

Отказ совсем не расстроил Гу Бая — он лишь весело захихикал.

Цзян Чжиюй посадил его за кассу рядом с Лу Ао, и они встали на стульчик вдвоём.

— Аоао, я пришёл.

— Ты опоздал, — невозмутимо констатировал Лу Ао.

— Я хотел прийти сразу после обеда, но большой папа сказал, что вы тоже едите, и в обед к людям ходить невежливо. Я решил подождать. Совсем не хотел спать, но... ждал-ждал и уснул.

— М-м, — отозвался Лу Ао, с трудом принимая его объяснение. — Я думал, ты утром просто болтал.

— Мы же договорились! Я обязательно приду! — Гу Бай сжал кулачки, его лицо выражало решимость. — Мы ведь лучшие друзья!

— Вовсе нет, мы всего лишь...

Заклятые враги.

Лу Ао хотел сказать именно так, но, встретившись с серьёзным взглядом Гу Бая, передумал и поправился:

— Мы просто обычные друзья. До лучших ещё не доросли.

— Тогда я буду стараться сильнее! — Гу Бай сжал кулаки ещё крепче, взгляд горел решимостью.

В этот момент Чжоу Шо у входа в супермаркет спросил:

— Вы двое готовы? Могу я войти и сделать покупки?

Гу Бай вдруг выпрямился во весь рост и рявкнул:

— Добро пожаловать в супермаркет «Всё под Небом»! Уважаемый покупатель, что вы желаете приобрести?!

Его громовой голос едва не сбил с ног стоявшего рядом Лу Ао.

— Гу Бай, продавать можно и без крика. Покупателей пугаешь.

— Ой, — Гу Бай почесал затылок. — Ничего, моего большого папу не испугаешь.

Чжоу Шо сжал губы, закатал рукава и широким шагом вошёл в магазин:

— Цзян Чжиюй! Лу Синъюань! Вашему супермаркету дети не нужны? Я вам Гу Бая продам... нет, подарю! Я больше не могу!

Цзян Чжиюй и Лу Синъюань ответили хором:

— Не надо!

Им вполне хватало одного Лу Ао.

***

Два малыша толкались за кассой, обслуживая покупателей. Из пяти сделок четыре совершил Чжоу Шо.

Стоять им наскучило, и они уселись вплотную на одном стульчике.

Цзян Чжиюй достал пульт и спросил, не хотят ли они посмотреть телевизор. Оба тут же подняли руки:

— Дядя Цзян! Я хочу смотреть «Щенячий патруль»! Его показывают на детском канале!

— Папа, я хочу посмотреть новости.

Взгляд Цзян Чжиюя скользнул по личикам обоих малышей, после чего он принял решение:

— Тогда посмотрим и новости, и мультик — по пятнадцать минут. Сыграйте в камень-ножницы-бумагу, кто выиграет — тот первым смотрит то, что хочет.

— Камень-ножницы-бумага!..

Лу Ао победил.

Цзян Чжиюй переключил канал на новостной, достал телефон и запустил таймер:

— Аоао, только пятнадцать минут, договорились?

— М-м.

Лу Ао поднял голову, внимательно уставившись в телевизор, висевший высоко на стене. Гу Бай, болтая ножками, смотрел вместе с ним.

Но вскоре Гу Бай не смог сдержать зевоту. Он широко раскрывал рот, зевая раз за разом:

— Аоао, а-а-ах... Ты правда крутой... Такую сложную штуку понимаешь. А я спать хочу, щас усну-у-у...

Увидев реакцию Гу Бая, Лу Ао выпрямился ещё больше, а глаза раскрыл шире. Ведь он — зрелый антагонистский малыш, способный понимать новости! В сто раз круче малыша-протагониста!

И в этот самый момент на Лу Ао, не спавшего в обед, накатила волна сонливости.

Беда! Зевота заразительна!

Коварный Гу Бай! Наверняка специально!

Лу Ао крепко сжал губы, не давая зевоте вырваться наружу.

Сдержать! Он обязательно сдержит!

Сдер-жа-ать!

Цзян Чжуй с недоумением посмотрел на него:

— Аоао, ты что, в туалет хочешь? Если хочешь — иди, таймер остановим. Не надо терпеть.

— Я не хо... — едва Лу Ао открыл рот, длинная-предлинная зевота вырвалась наружу: — А-а-а-ах!

Чёрт возьми!

Гу Бай удивлённо воскликнул:

— Аоао, ты тоже хочешь спать!

— Вовсе нет! — поспешно оправдался Лу Ао. — Я не от новостей засыпаю, я потому, что в обед не поспал! Я новости понимаю!

— Ладно, тогда мы потом вместе поспим.

— Я с тобой спать не буду.

— Но мы оба хотим спать, значит, можем вместе.

— Это совершенно не одно и то же! — с негодованием парировал Лу Ао.

На самом деле им и не нужно было спорить о совместном сне. Потому что через пятнадцать минут настала очередь детского канала с мультиком для Гу Бая.

Одного взгляда хватило — внимание обеих малышек мгновенно приковали щенки на экране.

Сонливость испарилась без следа!

— Аоао, «Щенячий патруль» — это супер! Ты обязательно его полюбишь!

— Ни за что! Я вообще не люблю мультики. Мне совсем неинтересно.

Цзян Чжуй протянул руки: одной выправил голову Лу Ао, упрямо отвёрнутую от экрана, другой оттянул Гу Бая, который уже почти упёрся носом в телевизор.

— Аоао, если хочешь смотреть — смотри прямо. Не верти головой, а то глаза косыми станут. Сяо Бай, не подходи так близко! Зрение испортишь.

Малыши заморгали, уставившись на экран, не отрывая взгляда от щенков.

«Ну вот! Я же говорил, что Аоао полюбит „Щенячий патруль“!»

«Чёрт возьми! Оказывается, мультики такие крутые! Как я раньше этого не замечал?!»

Погруженные в мультфильм, малыши вздрогнули, когда прозвенел таймер Цзян Чжуй.

— Пятнадцать минут вышли, — напомнил он. — Телевизор выключаем.

— Нееет! Дядя Цзян! Скоро же конец! Осталось всего чуть-чуть! Дайте досмотреть, пожааалуйста! — взмолился Гу Бай, буквально сползая со стула и делая движение, будто хочет упасть на колени.

Цзян Чжуй аж подпрыгнул, схватив его за воротник рубашки:

— Тпру-тпру! Стоять! Не надо церемоний! — он поставил малыша на ноги. — Аоао смотрел новости ровно пятнадцать минут. Для справедливости спросим его мнение. Аоао, что думаешь? Хочешь ещё немного посмотреть мультик?

Лу Ао изо всех сил пытался оторвать взгляд от экрана, но не смог. Ему было стыдно признаться:

— Аоао думает... Аоао думает...

— Аоао тоже хочет досмотреть мультик? Можно продлить на несколько минут?

— Мо-ожно... — кивнул Лу Ао, едва слышно пробормотав. — Можно продлить.

— Ладно, тогда смотрите ещё пять минут. Но завтра время у телевизора сократится на пять минут, и потом вы обязательно пойдёте размяться.

— Без проблем!

Оба малыша тут же просияли, жадно уставившись в экран, словно боясь пропустить хоть кадр. Одна серия «Щенячьего патруля» и так короткая — минут двадцать. Пяти минут им хватило с лихвой.

Когда зазвучала финальная песенка, малыши были полностью удовлетворены. Гу Бай даже начал подпевать.

Цзян Чжуй выключил телевизор и велел им выйти поиграть, чтобы размять ноги и дать

отдохнуть глазам. На этот раз они не спорили, послушно сползли со стульчика и выбежали на тротуар.

Немного поиграв в утреннюю игру «ступай по плиткам», они заскучили и отправились к баньяну у школьных ворот.

Оба присели на корточки.

Гу Бай уткнулся носом в землю, внимательно наблюдая за муравьями, тащившими добычу. Лу Ао же поднял голову, разглядывая огромное дерево, запечатлённое на фотографии его отцов.

Прошло неизвестно сколько времени, когда Гу Бай вдруг заявил:

— Аоао, мои ножки стали «лимончиками»! Прямо как лимон в лимонаде — кислые-прекислые! Лизнёшь — и всё тело покалывает-щиплет!5

Примечание 5: «кислый» (酸 — suān) в китайском — прямое описание физического ощущения при онемении («ногу отсидел»). Гу Бай использует образ лимона в лимонаде («酸酸酸» — suān suān de) и покалывания («麻麻麻» — zīlā zīlā, звукоподражание электрическому разряду или шипению).

— О чём ты вообще? — Лу Ао задумался. И лишь когда его собственные ноги тоже превратились в «лимончики», до него дошло.

Они просидели на корточках слишком долго!

Ноги... за-те-к-ли!

Лу Ао стиснул зубы, ухватился за ствол дерева и попытался встать: «Думал ли я, Лу Ао, проживший жизнь, полную побед, что когда-либо столкнусь с подобным? Жалкое онемение ног — что ты можешь мне сделать?!»

Гу Бай, подражая ему, тоже ухватился за ствол и закачался, пытаясь подняться:

— Аоао, давай! Давай! Сяо Бай, давай!

Он даже лишний раз прокричал за Лу Ао:

— А-а-а!

Лу Ао ответил рыком злобного дракона, гневно топая ножкой:

— Р-р-рррр!

Судьба малыша — в лапках самого малыша! Он сию же секунду даст своим ногам понять, кто истинный хозяин этого тела!

В следующий миг волна мурашек пробежала по его тельцу — от ступней до макушки, — заставив всю его пухленькую плоть мелко задрожать. Хорошо, что Гу Бай вовремя подхватил его, иначе Лу Ао грохнулся бы на землю.

Пока Цзян Чжияой, почувствовав неладное, не высунулся из супермаркета и не присмотрелся. Перед ним предстала картина: два малыша, вцепившись друг в друга, застыли в полуприседе — точь-в-точь два краба, спутавшихся клешнями, не в силах расцепиться.

— То, что случилось сегодня, папа и большой папа знать не должны! — прошипел Лу Ао. — Разболтаешь — играть с тобой больше не стану!

— Не бойся, — Гу Бай зажал рот ладошкой. — Никому не пророню ни словечка!

— Не отпускай! Я опять падаю! Мурашки сводят с ума!

— О'кей.

— Гу Бай, я скажу «раз-два-три» — и мы шагаем левой ногой.

— Договорились! Давай... Стой, Аоао, а где левая нога-то?

Цзян Чжиюй припал к кассовому аппарату, достал телефон и навёл объектив на пару спутанных крабиков.

<http://bllate.org/book/13911/1225892>Главному злодею снова три с половиной года [ ] [ ]: Глава 30. За покупками

Yánchéng Tàishòushēng

Сегодня была суббота.

В старших классах городка были каникулы, лишь несколько экспериментальных классов ещё занимались.

Лу Ао сидел за кассой, подперев щёки руками, смотрел на пустынный супермаркет и уныло вздохнул.

— Эх-х... Как же так, ни души?

В следующую секунду Цзян Чжиюй высунул голову из-за маленькой белой дверцы:

— Вздор! Разве твой папа не человек?

Лу Ао бесстрастно ответил:

— Ты не в счёт.

Ещё через секунду Лу Синьюань бесшумно возник за спиной Цзян Чжиюя и мрачным тоном произнёс:

— Я тоже человек.

Лу Ао стал ещё бесстрастнее:

— Ты тоже не в счёт.

И ещё через секунду Цзян Чжиюй и Лу Синьюань переглянулись и синхронно произнесли:

— Ну тогда ещё дедушка Чжан...

— Дедушка Чжан не в счёт, и я сам не в счёт! — Лу Ао сжал свои маленькие кулачки и с силой стукнул по кассе. — Я говорю о покупателях, о покупателях!

Ему и так было достаточно грустно, а папа и большой папа ещё и нарочно его дразнят.

Ненавижу! Ненавижу, ненавижу!

Цзян Чжиюй усмехнулся, подошёл и вынул его из детского стульчика:

— Аоао, рассердился?

— Вовсе нет, — Лу Ао отвернулся, показывая лишь пухлый и надутый щёчками профиль. — Будучи зрелым малышом, я не стану сердиться на таких незрелых взрослых, как вы.

— Да? Но, Аоао, твоё словоупотребление, кажется, не совсем точное.

— Что? — Лу Ао удивился.

— Для слова «малыш» (宝宝) следует использовать счётное слово «один зверёк» (一只) или «один зверь» (一匹), а не «один человек» (一个).¹

Примечание 1: Лу Ао называет себя «зрелым малышом» (大宝宝), используя слово 宝宝 (zǎizǎi), которое изначально означало детёныша животного (зверёк, малыш зверя) и часто используется ласково по отношению к маленьким детям. Цзян Чжиюй подмечает несоответствие: Лу Ао хочет казаться взрослым и серьёзным («зрелым», «не стану сердиться»), но называет себя словом 宝宝, для которого в китайском языке используются классификаторы, обычно применяемые к животным (一只 yī zhī - для мелких животных, птиц; 一匹 yī pǐ - для крупных животных), а не к людям (для которых используется 一个 yī ge или 一人 yī rén).

— .....

Лу Ао промолчал, отвернулся в другую сторону, не желая с ним разговаривать.

Повернув голову, он увидел Лу Синьюаня, стоящего рядом. На спине у того висел его собственный папочкин рюкзачок для малыша, а на шее болталась большая белая сумка Цзян Чжиюя в форме пушистой утиной попки.

Лу Ао спросил:

— Мы куда-то идём?

— Ага, — Цзян Чжиюй похлопал его по спине и передал Лу Синьюаню. — Как раз сегодня в супермаркете не оченьлюдно, сводим тебя куда-нибудь.

— Куда? В больницу на повторный осмотр?

— Пустяковый насморк, не нужен повторный осмотр, — было очевидно, что Цзян Чжиюй передразнивал какого-то крутого босса.

Лу Ао сглотнул и спросил снова:

— Тогда куда мы идём? Гулять?

— М-м... и да, и нет. Не то чтобы гулять, но и не то чтобы нет.

Цзян Чжиюй встал перед Лу Синьюанем, открыл большую белую утиную сумку и достал оттуда ключи от машины.

Его ответ был уклончивым, и Лу Ао поднял взгляд, вопросительно глядя на Лу Синъюаня.

Лу Синъюань сказал серьёзным тоном:

— Папа говорит, что хочет сделать тебе сюрприз, пока не скажет. Узнаешь, когда приедем.

— Сюрприз? — Лу Ао повернул голову обратно, и его выражение лица постепенно стало озабоченным.

Сюрпризы от Цзян Чжиюя не всегда были приятными сюрпризами, очень часто они оказывались пугалками.

Он глубоко вдохнул, подготовившись морально.

Их маленький розовый электромобиль стоял как раз на парковочном месте у входа в супермаркет — очень удобно, выходишь из двери и садишься.

Два звука «бип-бип» — и машина открылась.

Лу Синъюань одной рукой держал Лу Ао, другой открыл дверцу машины, усадил его в детское автокресло, поправил посадку и застегнул ремень безопасности.

Тем временем Цзян Чжиюй стоял у входа в супермаркет и кричал наверх:

— Дедушка Чжан, мы уходим!

— Ладно, — отозвался дедушка Чжан. — Сейчас спускаюсь.

Лу Синъюань, устроив Лу Ао, обошёл машину и сел на пассажирское сиденье. Цзян Чжиюй же устроился за рулём и начал настраивать зеркало заднего вида.

Лу Синъюань достал из сумки карамельку со сливой, развернул её и протянул прямо ко рту Цзян Чжиюя:

— Муженёк, спасибо за труды.

Цзян Чжиюй открыл рот, взял конфету, лихо зачёсал волосы и тряхнул головой:

— Не за что, всё в порядке.

— А?..

Лу Ао наблюдал за их взаимодействием и невольно разинул рот.

Вы что, немного не в себе?

Разве не должно быть так: большой папа круто ведёт машину, а папа нежно помогает рядом?

Вы что, всё наоборот делаете?

Через салонное зеркало заднего вида Цзян Чжиюй заметил выражение лица Лу Ао и не сдержал смеха, предупредив его:

— Аоао, ротик-то не закрываешь, мошка залетит.

— О, — Лу Ао подпёр щеку рукой и послушно закрыл рот. Но в конце концов он не выдержал и спросил: — Цзян Чжюй, почему опять ты за рулём?

— М-м? — удивился Цзян Чжюй, ловко заводя двигатель и поднимая ручной тормоз. — А кому ещё водить? У нас же нет шофёра.

Лу Ао заявил с полным правом:

— Пусть Лу Синьюань водит!

— А почему? Разве есть разница, кто из пап ведёт машину?

— Всё равно я считаю, что за рулём должен быть большой папа!

Цзян Чжюй поправил его:

— Аоао, это у тебя стереотипы, так неправильно.

Лу Синьюань тоже добавил:

— Папа, конечно же, может водить машину, и к тому же папа водит лучше, чем я.

— У меня нет стереотипов, я просто... просто...

Просто что — Лу Ао и сам не мог объяснить.

На самом деле его нельзя было винить. В прошлой жизни он рано потерял обоих пап и не имел вообще никакого конкретного представления о том, какими должны быть папа и большой папа.

Он не мог представить себе конкретных людей, только навешивал на них ярлыки.

Он бессознательно считал, что семья Гу Бая, как она описана в оригинальном сюжете, и есть самая лучшая.

Он бессознательно полагал, что большой папа обязательно должен быть строгим, а папа — нежным.

Он бессознательно втискивал свою собственную семью в оболочку «идеальной модели семьи», стремясь соответствовать их стандартам.

Но у Лу Ао сейчас была маленькая головка, да и язычок плохо слушался, он просто не мог внятно объяснить свою мысль. Он тихо проговорил:

— Но тогда это не будет достаточно образцово, достаточно счастливо.

Цзян Чжюй обернулся и серьёзно сказал ему:

— Это неправильно. Главное — благополучно добраться до места, вот что самое счастливое. Какая разница, кто за рулём?

Лу Синьюань тоже сказал:

— Нашей семье не обязательно быть образцовой, чтобы быть счастливой.

— М-м, — Лу Ао вынужден был признать, что папа и большой папа правы.

Это он не сразу сообразил.

Цзян Чжуй отбросил мысли, снял машину с ручника и приготовился поворачивать руль.

Как раз в этот момент Гу Бай, высоко подняв руку с детскими часами, выбежал из соседнего чайного магазина и помчался к супермаркету:

— Аоао, давай поиграем в «Попрыгунчика»!..2

Примечание 2: Та самая игра на часах Гу Бая, в которую они играли ещё в больнице.

Увидев, что машина Лу Ао подаёт сигналы, Гу Бай невольно остановился.

Цзян Чжуй опустил стекло и крикнул ему:

— Привет, сяо Бай! Мы сегодня с Аоао уезжаем, не сможем поиграть, давай днём!

— Ладно, — Гу Бай выглядел немного расстроенным, но быстро воспрянул духом и помахал им рукой. — Если не вернётесь к обеду - ничего! Веселитесь!

— Хорошо! — Цзян Чжуй сказал Лу Ао: — Аоао, попрощайся с сяо Баем, он же тебе пожелал хорошо повеселиться.

— М-м, — Лу Ао протянул руку и слегка помахал: — Пока!

— Пока!

Увидев, как Гу Бай побежал обратно в чайный магазин, Цзян Чжуй тронулся.

Лу Ао молча смотрел на мелькающие за окном пейзажи, серьёзно размышляя над несколькими вопросами.

Существует ли в мире стандартная образцовая семья?

Была ли семья Гу Бая в прошлой жизни идеальной?

Или, может, они были счастливы?

Если они были счастливы, то почему после его перерождения их жизнь так круто изменилась?

С тех пор, как он переродился, маленькая головка Лу Ао часто была забита самыми разными вопросами.

Сейчас он ещё не мог найти ответы, но верил, что однажды обязательно отыщет их все.

***

Спустя двадцать минут маленькая семья из трёх человек прибыла в крупный торговый центр. Оставив машину в подземной парковке, они поднялись прямо на третий этаж...

В отдел электроники.

Лу Ао недоумевал: Цзян Чжуй и Лу Синъюань собираются покупать электронику? Телефоны или компьютеры?

Как раз в этот момент Цзян Чжюй широким жестом хлопнул его по попке и попытался вытолкнуть его вперёд, словно телёнка на луг:

— Аоао, иди выбери себе детские часы!

Детские часы... Детские часы! Вот какой сюрприз приготовили ему папа и большой папа!

Лу Ао машинально отказался:

— Я не хочу детские часы.

Раньше он хотел часы, чтобы искать в интернете информацию о папе и большом папе, но потом выяснил, что ничего найти нельзя, и желание пропало.

В последние дни во время игр с Гу Баем тот часто доставал свои часы, приглашая его и папу поиграть в «Попрыгунчика». Сам он не был большим любителем игр, и когда Гу Бай настаивал, ему даже становилось досадно.

К тому же электроника такая дорогая, а финансовое положение их семьи сейчас не самое лучшее, тратить на это деньги просто нет необходимости.

Поэтому Лу Ао снова отказался:

— Не надо, я не хочу.

— Нельзя! Позавчера мы с большим папой были на рынке, и у каждого ребёнка на руке были детские часы. Даже если ты не хочешь, они у тебя обязаны быть. Это приказ папы и большого папы!

Ничего себе, истинные владыки, они куда властнее любого крутого босса.

Цзян Чжюй взял его за руку:

— Пошли, папа поможет тебе выбрать.

— Я правда не хочу!

— Нельзя, не капризничай.

— На этот раз я не капризничаю! На этот раз правда не хочу!

— Но и ослушаться приказа папы и большого папы тоже нельзя! Пошли!

Слишком уж много раз он «капризничал», и взрослые уже автоматически в уме преобразовывали его «не хочу» в «хочу».

Цзян Чжюй и Лу Синъюань схватили его каждый за одну руку и понесли вперёд, словно маленький полиэтиленовый пакет.

— Не хочу-у-у-у!

И в тот же самый момент с другого конца торгового центра, раздался оглушительный вопль:

— Я хочуууу!

Мальчик на несколько лет старше Лу Ао, пухленький карапуз, тоже оказался в руках своих родителей.

— Нельзя! Дома уже три часов! Больше не купим!

— Вернись сейчас же! Слезами себе не поможешь!

В этот самый момент, в этом самом месте, двое незнакомых друг другу малышей оказались в совершенно противоположных ситуациях.

***

Семейство из трёх человек вошло в магазин детской электроники и уселось в ряд перед стеклянной витриной.

Продавец принесла им три стаканчика с лимонной водой. Лу Ао отхлебнул глоток – кислотина была такая, что он едва не потерял контроль над выражением лица.

Цзян Чжуй и Лу Синъюань же с азартом принялись выбирать, перебирая часы за часами на витрине.

Все имеющиеся на рынке детские часы были примерно одинаковы по функциям: геолокация, звонки, игры – как маленький телефончик. Выбор сводился в основном к дизайну.

— Эти вроде ничего, экран побольше, но вот не знаю, не тяжеловаты ли они для Аоао на ручке.

— Сяо Юй, мне кажется, эти лучше. Вряд ли Лу Ао понравится корпус с Ультраменом.

— Корпус же можно сменить, можно и вовсе без него.

— А, понятно.

— Аоао, иди посмотри, какие тебе нравятся?

— Выбирайте сами, — сказал Лу Ао, но всё же честно пододвинулся и стал разглядывать вместе с ними, отвергая все их предложения. — Не нравится синий, не нравится круглые, и Ультраман тоже не нравится.

Лу Ао важно уселся перед витриной, выбрал понравившуюся ему чёрную модель в минималистичном стиле, протянул свою пухленькую ручонку продавщице и попросил помочь примерить.

Продавщица достала маленькое зеркальце, чтобы он мог посмотреть.

— Ва-а-ау! — Цзян Чжуй тут же начал восхищаться. — Аоао, у тебя отличный вкус! Папа и большой папа даже не заметили эти!

Лу Ао опустил взгляд на часы, и уголки его губ невольно поползли вверх, но он всё же постарался сохранить сдержанность:

— Оставим этот вариант про запас, посмотрим другие.

— Тоже верно.

Будь это Лу Ао из прошлой жизни, ему бы и в голову не пришло лично таскаться по магазинам. Каждый месяц ответственные лица доставляли бы к нему новейшие модели от ведущих люксовых брендов.

И ему никогда не нужно было оставлять что-то «про запас»: понравилось — оставил. Даже если пылится потом на вилле — не беда.

Но сейчас...

Эх... Лу Ао вздохнул, взял за руку своих неразумных папу и большого папу, отвёл их в уголок и начал наставлять:

— Вы двое, нельзя показывать, что вы обязательно хотите купить. А вдруг продавщица, увидев, как нам нравится, специально завысит цену?

Лу Синьюань попытался объяснить:

— Не беспокойся о деньгах, папа и большой папа богаче, чем ты думаешь.

— Но и так тратить нельзя! — Лу Ао упёр руки в боки, приняв самый серьёзный вид. — Особенно ты, Цзян Чжуйюй, нельзя всё время «вау-вау-ваукать».

Цзян Чжуйюй тоже попытался объяснить:

— Папа просто хотел...

— Всё равно нельзя, — строго сказал Лу Ао. — С этого момента мы должны изображать полное отсутствие интереса и крайнюю неохоту. Понятно?

Взглянув на их глуповатые выражения, стало ясно — не поняли. Лу Ао решил объяснить поподробнее.

— Цзян Чжуйюй, отныне твоя реплика: «Мне кажется, это тоже не очень-то и хорошо».

— Лу Синьюань, твоя реплика: «Быстрее, быстрее, тут и смотреть не на что».

— А моя, малышка, реплика: «Папа, большой папа, ну ладно, давайте домой». Но мы не всерьёз собираемся домой! Просто говорим так, чтобы на них немного надавить. Вы поняли?

Цзян Чжуйюй и Лу Синьюань переглянулись, улыгнулись с долей покорности и в итоге согласились ему подыграть:

— Поняли.

Что и говорить, метод Лу Ао действительно сработал.

Когда они в восьмой раз произнесли «Не надо, поедem домой», продавщица пошла за менеджером, и менеджер лично вышел...

...чтобы указать им дорогу домой.

— Вот здесь, главный выход здесь. Пожалуйста, сюда, уважаемые гости.

Двое пап и малыш, поджав хвосты, поражёнчески удалились.

***

Было невероятно стыдно, и они решили прогуляться до другого торгового центра. Этот центр был недалеко, можно было идти пешком.

Всё семейство шло рука об руку, плечом к плечу.

Увидев продавца воздушных шаров, Цзян Чжюй потянул Лу Ао туда, предложив выбрать шарик:

— Ты ведь с сяо Баем недавно смотрел «Щенячий патруль»? Возьми шарик со щенком.

— Детский сад, — буркнул Лу Ао, но при этом встал на цыпочки и начал тщательно выбирать понравившегося щенка.

Пока они выбирали шарик, Лу Синъюань тихонько отпустил руку Цзян Чжюй, отошёл назад, достал телефон и набрал номер:

— Ассистент Ван, передайте распоряжение...

Когда Лу Ао выбрал шарик, Лу Синъюань как раз закончил разговор и молча вернулся к Цзян Чжюй, снова взяв его за руку. Они обменялись понимающим взглядом. Вдруг Лу Ао вскрикнул:

— Мой шарик!

Он не удержал верёвочку, и шарик улетел.

Лу Синъюань, высокий, просто поднял руку и без труда поймал шарик, вернув его Лу Ао:

— Держи крепче.

Цзян Чжюй присел, обмотал верёвочку вокруг запястья Лу Ао поверх рукава и завязал узелок:

— Вот так, теперь порядок.

— М-м, — Лу Ао взялся за верёвочку, то дёргая шарик вниз, то отпуская его вверх, играя с ним.

Перед входом в новый торговый центр Лу Ао снова проинструктировал их:

— Действуем по прежнему плану, не забывайте свои реплики.

Цзян Чжюй протяжно произнёс:

— Мне кажется, это тоже не очень-то и хорошо...

Лу Синъюань тоже без эмоций повторил свою реплику:

— Быстрее, быстрее, поскорее домой.

Лу Ао остался доволен и, ведя за собой двух пап-приспешников, бодро шагнул в магазин электроники.

Продавцы, менеджер и управляющий уже стояли наготове у входа. Не успел Лу Ао что-либо

сказать, как все внезапно дружно захлопали, здорово его напугав.

— Добро пожаловать! Сердечно приветствуем!

— Юный друг, поздравляем! Вы и ваши двое пап — 888-е посетители нашего магазина в этом месяце!

— Да, у нас проходит акция! 888-й посетитель получает не только статус VIP, но и скидку в 12%!З

Примечание 3: число 8 (八 bā) в китайской культуре считается чрезвычайно счастливым, так как созвучно слову "процветание" (发 fā). 888 - это тройная удача, символ большого богатства и успеха.

Лу Ао начал считать на пальчиках, сосредоточенно вычисляя. Сегодня 28-е число, он 888-й посетитель. Значит, в среднем в день заходит всего 33.3 человека, и то не купить, а просто посмотреть.

С самым серьёзным видом он заявил:

— У вас совсем никакой проходимости.

— Это... — все присутствующие онемели.

Цзян Чжуй схватил его за руку и рванул внутрь:

— Аоао, не забивай голову! Скидка 12%! Быстрее! Покупаем именно здесь!

— Цзян Чжуй, ты опять забыл! — вскричал Лу Ао.

В итоге Лу Ао купил детские часы именно в этом магазине. Изначальная цена была тысяча юаней, скидка 12%, плюс кешбэк - в итоге получилось почти полцены. Лу Ао остался доволен. Разглядывая свои новые часики то слева, то справа, он думал только об одном: невероятно выгодно.

Оказывается, экономить деньги приятнее, чем просто их иметь!

После покупки часов Цзян Чжуй и Лу Синъюань повели его за одеждой.

— Снова что-то покупать? — удивился Лу Ао.

— Ага, сегодня утром ты же ворчал перед шкафом, что тебе нечего надеть? — напомнил Цзян Чжуй. — Как раз погода потеплела, купим тебе пару маечек.

— М-м...

На самом деле маленький шкафчик Лу Ао был забит до отказа. Дело было не в отсутствии одежды, а в отсутствии понравившейся ему одежды. Но носить-то её всё равно было можно.

— В торговом центре сегодня акции, возьмём пару вещиц просто так.

— Правда?

— А то! — Цзян Чжуй указал на магазин детской одежды впереди. — Смотри, у них

юбилейная распродажа: купи одну вещь — вторую в подарок.

— М-м? Где ты это увидел? — Лу Ао озадаченно огляделся. — Я ничего не заметил!

— Неважно, папа видит это, — Цзян Чжюй махнул рукой. — Лу Синъюань, хватай Аоао, вперёд!

Лу Синъюань тут же подхватил Лу Ао, взвалил на плечо и зашагал вперёд широким шагом. Лу Ао забил ногами в воздухе:

— Зачем опять хватаешь? Спусти меня! Лу Синъюань, терпеть тебя не могу! Ты просто робот, который слушается только Цзян Чжюй! Ты ухо-лопата!⁴ Ты раб своей жены! Противный! Противный, противный, противный!

Примечание 4: «耳刮子» (rǎ ěrduo): это разговорное, часто юмористическое выражение из сычуаньского диалекта, ставшее общеупотребительным. Буквально означает «ухо, которое выгребают лопатой» (подразумевается, что жена «выскабливает» мужу мозги, чтобы он её слушался). Обозначает мужа, который беспрекословно подчиняется жене, «подкаблучника».

Цзян Чжюй оглянулся на него:

— Аоао, хватит ругаться. Для большого папы твои слова — настоящий комплимент. Он там тихонько хихикает.

Лу Ао: «?!»

***

Семья из трёх человек пришла в магазин детской одежды.

Как и ожидалось, они оказались 666-ми покупателями⁵, вошедшими в магазин в этом месяце, что также давало им право на различные скидки и акции.

Примечание 5: 6 (六, liù) ассоциируется с гладкостью, удачей.

Лу Ао нахмурился, внутренне недоумевая: «Неужели этот торговый центр скоро закроется? В прошлом магазине мы были 888-ми покупателями, а здесь уже 666-е — поток клиентов стал ещё меньше. Как же печально».

Во взгляде Лу Ао появились нотки сочувствия и досады.

Его коммерческий талант мог реализоваться лишь в управлении домашним супермаркетом.

Владелец же этого торгового центра, обладая таким выгодным местоположением и огромной площадью, довёл его до такого состояния.

Какая несправедливость!

Вот если бы ему доверили управление этим торговым центром... Тогда было бы другое дело.

Цзян Чжюй похлопал его по плечу:

— Аоао, о чём замечтался? Смотри, какую одежду хочешь купить, выбери и примерь.

— Ладно, — Лу Ао очнулся и принялся выбирать вещи на стойке.

Он твёрдо решил: на этот раз купить две нормальные вещи.

Все эти коровьи кальсоны, зебровые пижамы и обтягивающие футболки со Снупи — долой!

Цзян Чжиюй и Лу Синъюань устроились на диванчике перед примерочными, неспешно потягивая кофе и закусывая печеньем.

Лу Ао переодевался в примерочной.

Цзян Чжиюй повысил голос:

— Аоао, переоделся? Нужна помощь продавца?

— Не надо!

— Тогда папа или большоц папа помогут тебе?

— Не надо!

Десять минут спустя с громким шорохом занавеска примерочной раздвинулась. Лу Ао предстал в маленькой белой рубашке с коротким рукавом, дополненной чёрными детскими брюками.

Он упёр руки в бока, выпятил животик и спросил Цзян Чжиюя и Лу Синъюаня:

— Ну как? У меня хороший вкус? Лучше, чем коровьи кальсоны?

Лу Синъюань высказался честно:

— Не очень.

Цзян Чжиюй поставил кофейную чашку, вытащил салфетку и вытер губы:

— Аоао, ты там так долго, потому что не мог застегнуть эти маленькие пуговицы?

Лу Ао удивился:

— Откуда ты знаешь?

Пуговицы на рубашке были крошечными, его маленькие ручки — пухленькими и не очень ловкими, ему было трудно их ухватить, и он провозился с ними внутри целую вечность.

— Потому что ты застегнул их неправильно.

Лу Ао тут же обернулся к зеркалу.

Действительно, уже со второй пуговицы всё пошло вкривь.

Лу Ао молча развернулся и бросился в объятия Цзян Чжиюя.

Какой позор!

Цзян Чжиюй обнял его и погладил по головке:

— Может, всё же наденем коровью футболку? Папа только что видел, что у коровьих кальсон есть летний вариант с коротким рукавом.

Услышав это, Лу Ао тут же вырвался из его объятий:

— Не надо.

Лу Синьюань подошёл, аккуратно перезастегнул пуговицы, подтянул брючки и расправил рубашку:

— Теперь посмотри.

Лу Ао снова взглянул на своё отражение в зеркале, и уверенность вернулась.

«Да, именно такого эффекта я и хотел».

Цзян Чжиюй заметил:

— В этом неудобно двигаться.

— Мне иногда тоже нужно бывать на важных мероприятиях.

— Ладно, ладно, купим. Но выбери ещё пару футболок и шорт, в которых удобно играть. Ты же каждый день с сяо Баем носишься, в этом никак нельзя.

— Ладно.

В итоге семья из трёх человек, облачённая в семейные футболки с принтом из жёлтых утят, с большими и маленькими пакетами покупок, бодро вышагивала из торгового центра.

Цзян Чжиюй поправил свои солнцезащитные очки с жёлтыми утятами на переносице и с удовольствием произнёс:

— Через пару дней можно в этом съездить на море.

Лу Ао тихо сказал Лу Синьюаню:

— Папа, ты можешь полностью взять на себя подбор одежды для нашей семьи? Пусть папа больше не покупает.

Лу Синьюань серьёзно отказал:

— Нет. То, что выбирает папа, очень красивое. Сразу видно, что мы семья.

Лу Ао опустил голову и взглянул на свою пёструю футболку с утятами. Жёлтые утята, один за другим, сплошным полотном, все разинули клювы, словно бегали по ткани и громко кричали.

Он невольно поднял руку и заткнул себе уши.

Как шумно.

В жизни бы не подумал, что его может оглушить... одежда.

Yánchéng Tàishòushēng

Семейство из трёх человек вышло из торгового центра уже после полудня.

Обедать в торговом центре — цены там завышенные, совершенно невыгодно. Возвращаться домой есть — казалось, чего-то не хватает, зря вышли. Цзян Чжюй и Лу Синъюань переглянулись, обменявшись взглядами:

— Старое место?

— Ладно.

Лу Ао стоял между папой и большим папой, поднял голову и удивлённо посмотрел на них:

— О чём вы? Какое старое место?

Едва он договорил, как Лу Синъюань резко схватил его за воротник, поднял и перекинул через плечо.

Лу Ао с каменным лицом дёрнул ножкой, для вида попытался вырваться и наконец произнёс монотонно:

— Отпусти.

Он уже привык. Лу Синъюань был просто «роботом», слушающим только Цзян Чжюя. Слова Цзян Чжюя для него всегда были высшим приоритетом, даже родной сын не мог ослушаться. Кричать — бесполезно, вырваться — не получалось, оставалось лишь смириться.

Лу Ао уцепился за его одежду, поправил позу, чтобы удобнее лежать на плече у большого папы и не давить на животик с его складочками.

Итак, Цзян Чжюй держал за руку Лу Синъюаня, Лу Синъюань нёс на плече Лу Ао, а Лу Ао сжимал верёвочку шарика-собачки. Вся семья свернула в узкий тёмный переулок рядом с торговым центром.

Они прошли через переулок, через щели между самовольно построенными домами.

Лу Ао поднял голову, дёргал за верёвочку шарика — то натягивая, то отпуская, словно запускал воздушного змея.

Цзян Чжюй напомнил ему:

— Аоао, береги шарик, не поцарапай о бетонную стену.

— Ладно, — послушно подтянул верёвочку и прижал шарик к себе. — Мы уже пришли?

— Вот-вот...

Не успел он договорить, как порыв ветра донёс аромат чего-то жареного — хрустящего, румяного, аппетитно-золотистого. Запах проник прямо в ноздри Лу Ао.

— Пришли!

Лу Ао обернулся. Рядом с современным огромным торговым центром оказалась забегаловка со

старомодными шашлычками во фритюре.

Вывеска была небольшая, с названием «Старомодные шашлычки». Внутри тоже тесновато: у входа стояла конторка, переделанная под кассу, вдоль стены — два больших холодильника: один для овощных закусок, другой для мясных.

Дальше — зона для еды: три складных стола цвета свиной печени¹ и с десяток красных пластиковых табуреток.

Примечание 1: 猪肝 (zhūgān sè) — "цвет свиной печени": тёмно-бордово-коричневый цвет, характерный для некоторых старых предметов мебели или бытовых изделий в Китае.

Как раз был обеденный час, народу в заведении собралось немало.

Хозяин, возившийся у кассы, поднял голову, увидел Цзян Чжиюя и Лу Синьюаня и тут же окликнул:

— Сяо Юй и сяо Лу пожаловали? Как обычно, сет на пятьдесят юаней, старомодные куриные шашлычки плюс... О-о, и малыша привели? — хозяин невольно смягчил голос, ласково спросив: — Малыш, что будешь кушать?

Цзян Чжиюй обернулся к Лу Ао:

— Ты хочешь жареную лапшу², жареную вермишель³ или жареный рис?

Примечание 2: 炒粉 (chǎo fěn): жареная рисовая лапша (обычно широкая).

Примечание 3: 炒面 (chǎo miàn): жареная пшеничная лапша/вермишель (чаще тонкая).

Лу Ао подумал:

— Жареную вермишель.

— Ладно, тогда малышу порцию жареной вермишели, поменьше приправ, побольше овощей. Садитесь на старое место, сейчас будет.

Хозяин взял пластиковую корзинку, подошёл к холодильнику и привычно набрал им шашлычков.

Семейство втроём зашло внутрь, нашло столик у стены и село. Лу Ао устроился на пластиковом табурете, болтая ножками, и с любопытством озирался. Он ещё не бывал в таких местах и не знал, вкусно ли здесь. Раз уж Цзян Чжиюй, такой привереда в еде, любит эту забегаловку, наверное, не так уж плохо.

Хозяин с отобранными шашлычками прошёл на кухню, и тут же из-за занавески донёлся звук «ш-ш-ш-ш», похожий на взрыв, отчего Лу Ао вздрогнул.

Он подскочил на табурете, но в следующее мгновение чья-то рука прижала его голову, а мягкая влажная салфетка накрыла лицо. Раздался бесстрастный голос Лу Синьюаня:

— Не дёргайся. Вытираю тебе лицо.

— А-а! — Лу Ао крепко зажмурился, сморщив личико в знак протеста. — Неужели нельзя аккуратнее? Я твой сын, а не стол!

— Ты что, конфету ел? Почему уголки губ такие липкие?

— Я кушал печенье в магазине одежды.

— Понятно.

На печенье была сахарная пудра, она растаяла и вся прилипла к губам Лу Ао.

— Лу Синъюань, ты несправедлив! Когда ты вытираешь лицо папе, ты не так сильно трёшь!

Цзян Чжиюй сидел напротив за столом, с улыбкой наблюдая за ними, но, услышав, что Лу Ао упомянул его, вздрогнул и поспешно протянул руку, закрывая Лу Ао рот:

— Аоао, при посторонних такое говорить нельзя. Это маленький секрет папы и большого папы дома.

— У-у-у!

— Ротик и правда липкий, пусть большой папа хорошенько протрёт, — Цзян Чжиюй убрал руку и тоже достал влажную салфетку.

Какая гадость!

Лу Ао надул губки, словно сердитый лягушонок.

Вытерев лицо, Лу Синъюань протёр ему руки и наконец достал слюнявчик, чтобы повязать. Лу Ао тихонько спросил:

— Не могли бы вы на людях сохранить мне лицо и не надевать это?

— Нет. Новая одежда, только купили, нельзя пачкать.

— Ладно.

Предобеденные приготовления были почти завершены, и их заказ начал постепенно прибывать.

Большая порция жареной вермишели, целая порция старомодной жареной курицы, огромное блюдо с шашлычками во фритюре и бутылка соевого молока.

Жареная вермишель дышала жаром сковороды. В ней были тёртая морковь, листья пекинской капусты, жареное яйцо и кубики свинины. Огонь был идеальным: вермишель мягкая, яйцо с золотистой корочкой, а овощи всё ещё хрустящие, с насыщенным солоновато-ароматным вкусом.

Жареная курица представляла собой целую замаринованную тушку, опущенную в кипящее масло. Кожа, казалось, немного пережарилась — не бледно-жёлтая, как в западном фастфуде, а золотисто-оранжевая, хрустящая и аппетитно пахнущая.

Но когда Цзян Чжиюй оторвал куриную ножку, мясо внутри оказалось нежным, и даже брызнул горячий сок.

Цзян Чжиюй сунул куриную ножку себе в рот, а затем оторвал вторую и положил её в тарелку Лу Синъюаню.

Лу Ао широко раскрыл глаза:

— А мне?

— Ты ешь вот это. — Цзян Чжуй взял отдельно заказанную жареную куриную ножку. — Ещё до твоего рождения папа и большой папа договорились: одну курицу пополам. Ты появился позже, тебе только отдельные порции.

— Ох. — Лу Ао был раздосадован.

Ну и ладно, всё равно выходит одно и то же. Лу Ао схватил куриную ножку, широко открыл рот и откусил огромный кусок.

Настоящий пожирающий дракон!

Семейство втроём расправилось с обедом в закускойной. У Лу Ао, просто сидевшего на месте, животик стал заметно выпуклым.

Перед возвращением Лу Синьюань вытер ему рот.

Цзян Чжуй серьёзно сказал ему:

— Аоао, если по возвращении дедушка Чжан спросит, что мы ели на обед, скажи, что мы ели рисовую лапшу.

Лу Ао удивлённо спросил:

— Жареную рисовую лапшу?

— Не жареную, варёную. В прозрачном бульоне. Цинтанфэнь4.

Примечание 4: буквально "лапша в прозрачном/чистом бульоне". Простое, диетическое блюдо, часто противопоставляемое жирной или жареной пище.

— Почему?

— Потому что... — Цзян Чжуй замялся, — дедушка Чжан проходил курсы и получил сертификат диетолога, так что он обычно не разрешает нам есть такие вещи.

Лу Синьюань прокашлялся и позвал:

— Сяо Юй.

Лу Ао тоже безжалостно разоблачил его:

— Папа, ты учишь меня врать.

— Как это можно назвать «врать»? Это ложь во благо, чтобы дедушка Чжан не волновался за нас... — Цзян Чжуй говорил, говорил, но и сам потерял уверенность: — Ладно, папа неправ. Говори правду.

Цзян Чжуй протянул руку и стал делать пассы перед лицом Лу Ао, как будто колдуя:

— Забудь всё, чему папа тебя только что учил — забудь всё — ты всё ещё тот невинный, милый,

не умеющий врать хороший малыш...

Лу Ао опешил.

Он и не был невинным милым малышом. Похоже, Цзян Чжуйюй его не так понял.

***

На обратном пути за рулём был всё так же Цзян Чжуйюй. Лу Ао сидел на заднем сиденье вместе с новыми купленными одеждой и обувью.

Маленький электромобиль направлялся домой.

Ещё издали Лу Ао увидел двух человек, сидящих у входа в магазин «Гудбай Молочный Чай». Папа и большой папа Гу Бая сидели плечом к плечу на маленьких табуретках, уставившись в небо, с одинаково безнадежным выражением лица.

Цзян Чжуйюй тоже их заметил и удивился:

— Гу Юньфань сегодня так рано закончил? Редкость. Но что они оба делают на улице?

Машина приблизилась, они опустили стёкла, и только тогда увидели маленькую фигурку, присевшую на корточки на тротуаре. Перед ней лежали несколько камушков и бумажных стаканчиков. Гу Бай выдёргивал сорняки, проросшие в щелях тротуарной плитки, складывал их в стаканчики, а затем давил камнями:

— Гости, не волнуйтесь! «Травяной сок»5 скоро будет готов! Не волнуйтесь, сейчас будет!

Примечание 5: это отсылка к популярному китайскому анимационному сериалу 喜羊羊与灰太狼 (Xǐ Yángyáng yǔ Huī Tàiláng) , где главные герои-козлята часто пьют "травяной сок".

Оказывается, Гу Бай играл.

Он «узурпировал власть» и прямо так стал маленьким хозяином «Гудбай Молочный чай », да ещё и запустил новинку — напиток из мультфильма «Приключения в Травяной Долине», «Травяной сок».

Машина проезжала мимо, и Цзян Чжуйюй не сдержал смеха:

— Маленький хозяин Бай, новый магазин открыл? Можешь приготовить три стаканчика «травяного сока» и для нашей семьи?

Глаза Гу Бая загорелись, он быстро обернулся и радостно ответил:

— Конечно можно! Скорее заходите!

Услышав голоса, Чжоу Шо и Гу Юньфань тоже поспешно подняли головы, в глазах у них мелькнула надежда.

Отлично! Теперь кто-то разделит их мучения!

Но тут же они услышали, как Гу Бай сказал:

— Я могу подарить вам напитки бесплатно!

— Погоди! — Чжоу Шо не поверил своим ушам. — Мы с папой только что искали для тебя камни на земле! Если не дать камней, ты злился, говорил, что мы едим и пьем даром! А теперь даришь?!

Гу Бай тихонько ответил:

— Ну да, ведь это же Аоао и папа Аоао.

— А мы твои папы!

— М-м... — Гу Бай подумал. — Тогда я верну вам камни, идите кушать в другое место.

Чжоу Шо от возмущения чуть не опрокинулся назад, прямо на Гу Юньфана. Гу Юньфань протянул руку, поддержал его и стал давить на точку жэньчжун:

— А-Шо, держись.

Гу Бай тут же швырнул бумажный стаканчик, подбежал и, копируя движение папы, надавил большому папе на жэньчжун:

— Большой папа, ты в порядке?

В следующее мгновение Чжоу Шо взвыл «А-а-а!», словно его укусили за зад, и подскочил с табуретки:

— У вас что, у обоих кулаки как кувалды?

Как раз в этот момент Цзян Чжиюй припарковал электромобиль на месте, и семейство втроем выгрузило из задней части машины многочисленные пакеты, готовясь зайти.

Лу Ао обернулся, взглянул и нарочито сказал:

— Дядя Чжоу, у тебя верхняя губа почернела от нажима, как усики.

Примечание 6: см. шутку Цзян Чжиюя над дедушкой Чжаном в 26 главе.

Чжоу Шо прикрыл лицо рукой и бросился обратно в чайную лавку — посмотреть в зеркало. Цзян Чжиюй, сдерживая смех, погладил Лу Ао по голове:

— Аоао, какой умница, так быстро перенял папино чувство юмора.

Семейство занесло вещи внутрь и, приняв приглашение Гу Бая, вышло с ним поиграть. Они тоже принесли три табуретки, поставили их в ряд рядом со скамейками Чжоу Шо и Гу Юньфана и уселись строем.

Маленький хозяин Гу Бай важно спросил:

— Спрошу новых гостей: что желаете выпить?

Цзян Чжиюй охотно поддержал игру:

— Что порекомендует управляющий?

— Управляющий рекомендует «Травяной сок», любимый напиток Ленивого Ягнёнка.

— Отлично, тогда три стаканчика «Травяного сока». — Цзян Чжиюй обнял Лу Ао. — Как раз у Аоао есть слюнявчик с Ленивым Ягнёнком и столовые приборы с травяным тортиком. Очень подойдёт.

— Хорошо, подождите минутку.

Гу Бай поклонился им и вернулся на своё место, чтобы продолжать «готовить напитки».

Цзян Чжиюй похлопал Лу Ао по попке:

— Иди поиграй с Сяо Баем, нечего сидеть со взрослыми.

— Угу, — Лу Ао подошёл, но, увидев грязные ручонки Гу Бая, сморщился от брезгливости. Подходить близко не захотел, лишь издали наблюдал, как тот возится.

Гу Бай трудился не покладая рук:

— Аоао, «Травяной сок» скоро будет готов, подожди ещё чуть-чуть. Первый стаканчик сделаю для тебя.

— Спасибо, но не надо, — вежливо отказался Лу Ао.

Он присел на корточки в шаге от Гу Бая, наблюдая за его игрой.

Было немного скучновато.

Чжоу Шо и Гу Юньфань, глядя на «выдающиеся успехи» сына, тоже лишь развели руками. Оба подпирали лоб рукой, не проронив ни слова.

Гу Бай растолок траву, затем поднял левую руку и стал возиться с детскими часами на запястье:

— А теперь надо «заварить чай». Заваривать пять минут. Засаекаю время.

— Пип-пип!

Увидев, как тот возится с часами, Лу Ао вдруг кое-что вспомнил. Он закатал рукав, поднял руку, повертел кистью, затем встряхнул кистями с грацией цветка⁷, невзначай демонстрируя новые часы на своём запястье.

Примечание 7: 抖手 (yáo huā shǒu) - дословно "трясти цветочными руками". Это популярный в китайском интернете и среди молодёжи жест: быстрое, изящное вращение кистями рук, напоминающее распускающийся цветок. Часто используется в танцах (особенно в стилях, связанных с ханьфу/гуфэн) или для демонстрации грации/кокетства.

Как и ожидалось, Гу Бай заметил:

— Вау, Аоао, ты купил часы!

— Угу, — Лу Ао изобразил на личике скромное самодовольство. — Папа и большой папа настаивали, чтобы купили. Я твердил «не надо», миллион раз говорил, но они всё равно купили.

Лу Ао притворно вздохнул:

— Эх-х... Честно говоря, они мне не особо нравятся. На руке тяжело, да ещё и чехол с Человеком-пауком. Но раз уж купили, пришлось надеть.

Цзян Чжияюй и Лу Синъюань тоже замолчали, опустили головы, прикрыв лица руками. Этот малыш...

Лишь Гу Бай искренне подыграл ему, глядя с обожанием и сияющими, как звёздочки, глазами:

— Аоао, твой папа и большой папа тебя так любят!

Именно этих слов и ждал Лу Ао.

Он слегка поднял подбородок и с уверенностью заявил:

— Ну конечно же.

***

Один малыш «готовил напитки», другой малыш хвастался часами. Хотя они были на разных волнах, оба играли счастливо.

Четверо родителей сидели в ряд, молча наблюдая за происходящим. Текущий боевой порядок слева направо: Лу Синъюань, Цзян Чжияюй, Гу Юньфань, Чжоу Шо.

Неизвестно, сколько длилось молчание, но наконец Цзян Чжияюй заговорил. Он повернулся к Гу Юньфаню:

— Сегодня так рано закончил?

— Да, — ответил Гу Юньфань мягким, приглушённым голосом. — В последнее время занимался проектом по освоению земель в южном пригороде. Сегодня как раз завершили этап, вот и вернулся пораньше, — он вздохнул: — В следующем месяце придётся лично ехать в южный город на инспекцию. Опять не смогу быть с сяо Баем, вот и стараюсь сейчас проводить с ним время.

— Угу, — кивнул Цзян Чжияюй, утешая. — Всё в порядке, сяо Бай тебя поймёт. Когда вырастет и узнает, что его папа — знаменитый стремительный директор Гу, точно обрадуется.

— Дай-то бог, — улыбнулся Гу Юньфань. — Буду доволен, если он просто не станет меня ненавидеть.

Гу Юньфань резко сменил тему:

— Кстати, о зарабатывании денег и накоплении ресурсов — ваша семья вне конкуренции. Директор Лу в прошлом месяце за границей напрямую приобрёл корпорацию «Уайт», а ведь это семейное предприятие. Теперь в отрасли вы — лидеры, вам нет равных. Неудивительно, что директор Лу в последнее время не в командировках, а дома с женой и сыном. Оказывается, все внешние дела улажены. Теперь он «непобедим в отрасли».

— Чтобы не быть побеждённым, лучше стать сильнейшим.

— Создавать корпорацию — так сильнейшую, открывать супермаркет — тоже сильнейший, — Чжоу Шо мрачно вставил своё слово, протянув руку и подняв большие пальцы в сторону Цзян Чжияюя и Лу Синъюаня: — Просто звери! Склоняюсь перед вашим мастерством!

Цзян Чжуйюй весело хихикнул, обнял Лу Синъюаня за плечи и уверенно заявил:

— Ну конечно же! Это и есть настоящая решимость!

Уголки губ Лу Синъюаня тоже задрожали, сдерживая улыбку. Их самодовольные мордашки были точь-в-точь как у Лу Ао.

Как раз в этот момент Гу Бай подошёл к ним с бумажными стаканчиками:

— Дядя Цзян, дядя Лу, пожалуйста, отведайте «Травяной сок».

— Вау, спасибо, — Цзян Чжуйюй взял стаканчики, один передал Лу Синъюаню. Они оба устали на зелёную мутную жидкость в стаканах с плавающими соринками и снова замолчали.

Следом Гу Бай принёс ещё два стаканчика для Гу Юньфана и Чжоу Шо:

— Папа, большой папа, больше не говорите, что я несправедлив. Вам тоже досталось.

Кто бы мог подумать, что могущественные люди, перед которыми трепещут и на чей зов откликаются сотни, вернувшись домой, вынуждены играть с малышом и принимать из его рук самодельные травяные напитки?

— Сяо Бай, дядя Цзян пока может не пить? — осторожно спросил Цзян Чжуйюй. — Дядя Цзян пока не хочет пить.

Лу Синъюань поспешил присоединиться:

— Дядя Лу тоже не хочет пить.

— Большой папа тоже не хочет.

— Папа тоже не...

— Конечно, пить нельзя! — громко сказал Гу Бай. — Мы же играем! Это не настоящий напиток! Это то, что я сделал из травы! Если выпьете — живот заболит! Вам просто нужно поднять стаканчик, сделать вид, что пьёте, и всё! Ни в коем случае нельзя пить по-настоящему, нельзя касаться ртом! Совсем-совсем нельзя!

Лу Ао с каменным лицом, глядя на них взглядом, полным презрения к дуракам, медленно выдавил:

— Ду... ра... ки.

Э-э...

Четверо взрослых — кто лицо прикрыл, кто лоб рукой подпёр.

Чжоу Шо, стиснув зубы, прошипел:

— Цзян Чжуйюй, это всё твоё «я не хочу пить» всех нас с толку сбило.

Цзян Чжуйюй, пряча лицо в ладонях:

- Откуда я знал? Я думал, он серьёзно.
- Не смей про моего муженька говорить.
- Как же стыдно! Я теперь даже смотреть на этих малышей не могу! Всё из-за тебя!
- Тогда и не смотри.
- Не смей про моего муженька говорить.
- Подкаблучник, заткнись! Шумишь!
- Про меня говори сколько влезет, про муженька — ни слова.

***

Поиграв с двумя малышами на улице, к ужину обе семьи разошлись по домам.

Ужин приготовил дедушка Чжан — простой варёный рис и жареные овощи. Как и предполагал Цзян Чжиюй, дедушка Чжан действительно спросил, что они ели на обед вне дома. Лу Ао взглянул на Цзян Чжиюя, но в итоге выбрал правду:

— Ели жареную вермишель и шашлычки во фритюре. Папа и большой папа съели целую жареную курицу, а я даже не попробовал.

— Маленький плутишка! Разве так говорят? Ты не ел курицу, но слопал целую огромную куриную ножку!

Вот она — сила слова.

Как и следовало ожидать, дедушка Чжан разгневался. После ужина он достал засушенные корни и стебли трав, чтобы сварить им охлаждающий чай от «жара».

Цзян Чжиюй украдкой протянул руку и щёлкнул Лу Ао по лбу:

— Маленький плутишка, сейчас ты узнаешь, что почём.

Вскоре чай был готов. Дедушка Чжан, держа кастрюлю, разлил чёрную как смоль микстуру по трём пиалам.

Лу Ао, будучи ещё маленьким, мог выпить поменьше — полпиалы хватит. А Цзян Чжиюй и Лу Синъюань должны выпить больше! Разве они не знают, сколько «жара» в целой жареной курице?! И ещё осмелились кормить этим ребёнка — это же беспредел!

— Идите сюда, пейте.

Семейство втроем послушно подняло пиалы.

Лу Ао сделал глоток и не удержался, выплюнув:

— Какая горечь!

— А ты ещё говоришь! — Цзян Чжиюй приподнял пиалу, делая вид, что хочет перелить свой чай к нему.

***

В выходные в супермаркете не было покупателей, и закрылись они пораньше.

После целого дня игр Лу Ао вспотел и уже начал пахнуть. Лу Синьюань набрал в ванной таз горячей воды, уселся на маленький табурет и, схватив его как поросёнка, принялся мыть ему голову.

Примечание 8: 抓猪崽 (zhuā zhe xiǎo zhū zǎi) - "схватив как поросёнка": распространённое в китайском сравнение для описания того, как взрослые купают непоседливого ребёнка, который ёрзает и не хочет мыться.

Цзян Чжуй боялся, что одежда намокнет при мытье головы, а Лу Ао категорически отказывался быть голышом на виду, поэтому папам пришлось перерыть все шкафы, чтобы найти маленькие плавки с узором маленького монстрика и надеть их на него.

Лу Ао в детских плавательных очках лежал на коленях у большого папы с каменным лицом:

— Неужели я не могу сам помыть голову?

— Нет, сам не вымоешь как следует.

— Ладно, — прошептал Лу Ао. — Только вы не рассказывайте никому, что я мою голову в очках.

— Договорились, — улыбнувшись, ответил Цзян Чжуй. — Папа и большой папа точно не скажут сяо Баю.

— Не только сяо Баю... Никому нельзя...

— Закрывай рот, сейчас будем смывать, не наглотайся.

— Угу.

В последнее время Лу Ао мылся сам, но у него не хватало сил как следует потереть себя мочалкой. Лу Синьюань слегка помог ему, потирая спинку, пока тот не стал чистеньким и розовощёким.

Лу Ао сам быстро помыл попку, вытерся насухо и вышел в пижамке со Снупи.

Когда он вышел, папа и большой папа как раз разбирали на полу купленную днём одежду. Под ярким светом они сидели, скрестив ноги, на ковре, окружённые пакетами. Цзян Чжуй доставал его маленькие вещички одну за другой. Лу Синьюань же в очках с тонкой оправой и с маленькими ножницами в руке срезал ярлычки с одежды, а также аккуратно распарывал швы, чтобы удалить наклейки на воротничках, которые могли натирать кожу.

Именно удалял, а не срезал. Срезанные наклейки кололись бы сильнее. Только распороть нитки, которыми пришита бирка, — вот самый верный способ. Это тоже кропотливая работа — забота обо всех ярлычках на одежде для их семьи из трёх человек были его обязанностью.

Лу Синьюань был действительно внимателен... а Цзян Чжуй... ну, хотя бы доставал одежду из пакетов.

Тёплый свет лампы падал на их лица, отбрасывая тени. Лу Ао вспомнил, что сегодня папа и

большой папа покупали вещи только ему, а себе — ничего.

Ему вдруг стало неловко. Он подошёл и сел рядом с Цзян Чжиюем.

Цзян Чжией обнял его, погладил по щёчке:

— Помылся? Сейчас высушим волосы феном.

— Угу, — послушно прижался к нему Лу Ао и тихо добавил: — Папа, давай завтра снова ходим в торговый центр.

— Что-то ещё хочешь купить?

— Хочу купить вам... — голос Лу Ао становился всё тише. — Хочу купить и вам по одежке.

— О, об этом не беспокойся! — Цзян Чжией махнул рукой. — Одежда для папы и большого папы уже в пути! Папа заказал на Пиньдуодуо⁹, супер-милую! Сейчас покажу... Эй, а где мой телефон?

Примечание 9: популярная китайская платформа электронной коммерции 拼多多 (Pinduoduo), известная очень низкими ценами, социальными покупками (объединение заказов для скидки) и иногда эксцентричным ассортиментом.

<http://bllate.org/book/13911/1225894>Главному злодею снова три с половиной года [ ] [ ]: Глава 32. Сильный ливень

Yánchéng Tàishòushēng

Новая неделя началась.

Студенты с рюкзаками за спинами плелись тяжёлой походкой по дороге в школу.

Лу Ао, облачённый в новую рубашечку и брючки, купленные на выходных, стоял с невозмутимым видом за кассой.

Хотя в соседнем «Гудбай Молочный Чай» продавали сэндвичи и булочки, и большинство студентов, не успевших позавтракать, шли за завтраком именно туда, Лу Ао всё равно собирался встречать гостей с самым бодрым и подтянутым видом.

— Добро пожаловать!

О нет! Лу Ао прикрыл рот рукой. Его заразил Гу Бай!

Студенты подняли головы, увидели его бодрый вид и не выдержали — сбились в кучку и разрыдались.

— Я же говорил, что надо отправлять трёхлетних малышей в старшую школу! У трёхлетнего малыша бодрости духа больше, чем у меня!

— Старшеклассникам надо ходить в детский сад: поел — поспал, поспал — поел.

— Предлагаю поменять старшеклассников и трёхлетних малышей школами!

— Поддерживаю!

— Я тоже согласен!

— Мы все согласны!

— Стоит тебе только приказать — и мы немедленно провозгласим тебя новым министром образования!

Лу Ао почесал в затылке. Ему хотелось как-то утешить покупателей, но он не знал, что сказать.

Как раз в этот момент двое студентов влетели внутрь, словно пушечные ядра.

— Малыш, извини, займём у вас местечко!

Они нашли свободный уголок, присели на корточки, вытащили из рюкзаков мятые, растрёпанные листы с заданиями по английскому и начали быстро-быстро водить ручками. Задания по английскому проще всего доделывать: там много вопросов с выбором ответа, можно наугад ставить галочки.

— А что делать с пропусками и сочинением?

— Просто впиши что-нибудь.

— А если учитель спросит?

— Скажем, что когда писали, слишком нервничали, и сами теперь не разберём.

— Этот вопрос должен быть с ответом А.

Пухлый пальчик ткнул в лист с заданием, и оба студента невольно подняли головы. Лу Ао, одетый как маленький джентльмен, стоял перед ними.

— Малыш, мы тут...

— Этот вопрос должен быть с ответом С. В этом вопросе только четыре варианта, а ты отметил F. А здесь должно быть написано «professional».

Студенты медленно переглянулись, а потом, схватив свои листы, окружили его:

— Хватит про выбор ответа! Посмотри лучше, что тут надо вписать в пропуски? Просто помоги доделать!

Лу Ао, заложив руки за спину, принялся объяснять им, как делать задание. Они писали и спрашивали:

— Откуда ты знаешь, как решать эти задания?

Лу Ао загадочно изрёк:

— Чувство языка.

— Твой папа и большой папа что, каждый день включают тебе обучающие видео на английском?

— Нет, они каждый день включают мне «Щенячий патруль», но я — маленький гений с IQ 143.

— Правда? Тогда ты просто суперумный!

Три минуты спустя студенты закончили с заданиями, схватили из супермаркета бутылку напитка, сунули деньги Лу Ао и, не оборачиваясь, бросились бежать.

— Малыш, спасибо тебе! Пока-пока!

— Ты правда ему поверил?

— По крайней мере, хоть что-то написано, и выглядит сносно. Мы бы втроём голову сломали, не зная, что вписать.

— Тоже верно.

Двое студентов поспешно удалились, как раз в тот момент, когда Цзян Чжиюй, зевая, и Лу Синьюань, неся поднос, спускались вниз:

— Лу Ао, иди завтракать.

— Иду! — Лу Ао обернулся и подошёл к ним.

— Тут кто-то был? С кем ты разговаривал?

— Папа, если в супермаркете нет людей, значит, он разорится.

— А, — промычал Цзян Чжиюй.

Лу Ао положил деньги за напитки в кассовый ящик и пошёл мыть руки.

Лу Синьюань приготовил сладкую кашу из батата и пропаренные пирожки с солёной мясной начинкой.

Вся семья втроём тесно устроилась за кассой, завтракая вместе.

Цзян Чжиюй буквально валился с ног, толком не проснувшись, за каждым кусочком еды следовал зевок. Лу Синьюань внимательно следил за ним и, как только тот широко раскрывал рот, тут же подставлял руку, чтобы прикрыть его. Без единого пропуска.

У Лу Ао были все основания подозревать, что могучая рука большого папы накачалась именно так!

После завтрака в школе начались уроки. Как только прозвенел звонок, покупатели разошлись, и появился Гу Бай:

— Аоао, ты позавтракал? Можно мне уже прийти поиграть с тобой?

Гу Бай, закрыв глаза ладонками, медленно подкрадывался со стороны чайной. Большой папа говорил, что нельзя приходить к другим в гости во время еды. Значит, если он не видел, как семья Лу Ао ест, значит, они и не ели!

Гу Бай ничего не видел перед собой, поэтому Гу Юньфань шёл следом, придерживая его за капюшон толстовки, чтобы тот не упал. Как и планировал Гу Юньфань, последние дни он не выходил из дома, сосредоточенно занимаясь Гу Баем.

Гу Бай, закрыв глаза, на ощупь вошёл в супермаркет:

— Аоао, ты дома?

Лу Ао, скрестив ручки на груди, смотрел с неммым укором:

— Нет.

— Ты дома! — громко заявил Гу Бай. — Я слышал твой голос!

— Это был не я.

— Это был ты!

Лу Ао спросил:

— Какие у тебя доказательства, что это был я?

— Я... — Гу Бай запнулся. — Я...

Он растерянно помотал головой. Какие у него могли быть доказательства?

Гу Юньфань молча протянул руку и мягко приподнял ему веко.

Перед глазами стало светло. Гу Бай открыл глаза, увидел Лу Ао, сидящего за кассой, и, высоко подняв руки, указал на него пальцем.

— Аоао, я нашёл доказательство! Это был ты! Давай играть!

На лице Лу Ао читалось полное бессилие. Он вдруг не очень хотел играть с Гу Баем. Игра с таким глупым другом могла сделать глупым и его самого.

Гу Бай бросился вперёд, прильнул к кассе и, задрвав голову, уставился на Лу Ао, как настырная гусеница или как маленький повторюшка:

— Аоао... Аоао... Аоао... — он глубоко вдохнул и продолжил повторять: — Давай играть... Давай играть... Давай играть...

***

Два малыша посмотрели мультики, перекусили, потом вышли немного поиграть на улице — и так незаметно пролетело утро.

Всё это время Гу Юньфань неотступно следовал за ними, присматривая за обоими детьми.

Ожидался наплыв покупателей в обед, поэтому уже в одиннадцать часов обеих малышей увели по домам, чтобы они пораньше пообедали. Позже, когда покупателей станет много и в магазинах начнётся суэта, поесть удастся, возможно, только к двум часам дня.

Так и вышло. Когда настало время школьного обеда, улицу буквально захлестнула волна студентов.

Гу Бай высунул голову из чайной и, сжав кулачки, заявил:

— Аоао сейчас наверняка очень занят! Я должен пойти помочь ему!

Но большой папа схватил его за воротник и оттащил обратно:

— Ты бы сначала своему дому помог.

Гу Бай повязал маленький фартучек и встал за стойку, громко выкрикивая номера заказов:

— Жемчужный молочный чай для 28-го номера готов! Жемчужный чай для 28-го!

— Эшиба хао чжужжу лай ча!1

Примечание 1: 咕吧好珍珠奶茶 / É shǐ ba hǎo zhūzhū láí chá: это намеренно искажённая детским произношением Гу Баем фраза «Жемчужный молочный чай для 28-го номера готов».

Звучало не слишком аппетитно.

На самом деле Лу Ао вообще не нуждался в помощи. Он держал в левой руке сканер штрих-кодов, а правой ловко управлялся с клавиатурой компьютера. Дзинь-дзинь-дзинь!.. Он стремительно принимал оплату и так же быстро выдавал сдачу.

Как раз в этот момент два листа с заданиями по английскому медленно всплыли перед ним. Лу Ао мельком взглянул на них, даже не поднимая головы:

— Сейчас пик в супермаркете, у меня нет времени на шутки. Если хотите сказать, что я «милый», приходите после обеда. Трогать моё лицо нельзя, трогать мои ручки тоже нельзя. Мой папа кусается, а мой большой папа делает бросок через плечо.

— Малыш, ты нас совсем погубил!

— Хм?

Лу Ао всегда действовал открыто и честно, он никогда не причинял вреда другим!

Лу Ао удивлённо поднял голову. Это были те самые двое студентов, что доделывали утром задания в его магазине. Встретившись с ним взглядом, студенты загорелись энтузиазмом:

— Малыш, у тебя потрясающее чувство языка! Ты же сделал все задания на заполнение пропусков без единой ошибки!

— Хотя учительница сразу поняла, что это сделали не мы, и заставила нас простоять весь урок у доски... Но ты сделал всё правильно!

— Ты просто гений! Мы изо всех сил старались тебя не выдать. Поможешь нам в следующий раз... то есть, научишь нас делать задания?

Лу Ао только моргнул, ещё не успев ответить, как студенты, подняв глаза, увидели висевший на стене за кассой, рядом с лицензией, отчёт об IQ-тесте:

— У тебя правда IQ 143! А мы думали, ты просто хвастаешься!

После возвращения из больницы Цзян Чжуйюй, как и в прошлой жизни, красным фломастером сделал на отчёте пометку «В семье растёт маленький гений», нашёл рамку, оформил документ и повесил его на стену. Просто он не афишировал это специально, а покупатели, приходя за покупками, не обращали особого внимания, думая, что это какой-то магазинный документ, мельком взглянут — и проходят мимо.

Лишь сегодня, случайно бросив взгляд, двое студентов наконец заметили это.

Они громко ахнули: «Оу!» — и все присутствующие обернулись.

— Боже мой!

— Малыш-Эйнштейн оказался рядом со мной!

— Малыш, а ты сможешь решить эту задачу?

Лу Ао на мгновение задумался, затем, приняв серьёзный вид, громко объявил:

— Десять юаней за задачу! Отвечаю на вопросы без ограничений в день, кто первый — того и ответ!

Едва слова слетели с его губ, как папин щелбан приземлился ему прямо в лоб:

— Маленький плутишка.

Лу Ао потирал лобик:

— Мой умственный труд тоже стоит денег!

— Не смей наживаться на таком нечестном деле! — Цзян Чжияо зашёл за кассу, взял Лу Ао на руки и спустил его на пол. — Наказание: целый день не притрагиваешься к деньгам!

— А-у! — Лу Ао от злости затопал ножками, проявив свою истинную натуру, и закружился на месте.

— Аоао может объяснять, как делать задания, но нельзя давать вам списывать, — Цзян Чжияо сказал со всей серьёзностью. — Я ведь знаю, из вы какого класса, и знаком с вашим учителем. Если я замечу хоть раз...

Его угрожающий взгляд скользнул по всем присутствующим студентам. Те тут же замотали головами и замахали руками:

— Не посмеём! Ни за что не посмеём!

— Умоляем, хозяин, не говорите учителю! Умоляем!

Ещё одна гениальная схема Лу Ао по заработку, едва зародившись, была папой беспощадно раздавлена. Десять юаней за задачу... В одном листе заданий десятки задач — значит, сотни юаней. Он же мог делать больше десятка листов в день — это же тысячи юаней! Если бы этот бизнес пошёл, он бы заработал очень-очень много денег.

Всё из-за папы!

Лу Ао надул губки, прижался к ноге папы, всем видом показывая своё недовольство.

Лишь когда студенты, расплатившись, разошлись, Цзян Чжияо снова взял его на руки и спросил серьёзно:

— Аоао, папа ведь уже говорил тебе, что нельзя быть «маленьким нечестным торговцем»? А?

Лу Ао поджал губки, уткнулся лицом в шею Цзян Чжиюя и тихонько пробормотал:

— Говорил.

— Ты можешь объяснять старшим братьям и сёстрам, как решать задачи, но нельзя просто давать им ответы, чтобы они списывали.

Лу Ао возразил:

— Они платят деньги, я прилагаю умственные усилия. Это самая простая, самая естественная торговая сделка. Обе стороны получают то, что им нужно, цена известна заранее. Я не «маленький нечестный торговец».

— Хм...

Звучало... логично. У этого малыша была своя, чётко выстроенная система аргументов. Цзян Чжиюй на мгновение запутался в его логике и мог только обернуться и громко позвать:

— Лу Синьюань! Иди быстрее вразуми своего сына! Он хочет зарабатывать, делая за других задания, и утверждает, что это «торговая сделка»!

Лу Синьюань подошёл и молча уставился на Лу Ао.

У Лу Ао от этого взгляда внутри всё похолодело, и он инстинктивно сильнее прижался к папе.

Помолчав три секунды, Лу Синьюань спокойно произнёс:

— Ты несовершеннолетний. Твоя так называемая «торговая сделка» не имеет лицензии и не защищена законом. За незаконную коммерческую деятельность в сфере образования, при её обнаружении, налагается штраф от пяти тысяч до ста тысяч юаней.

Тремя фразами заставил Лу Ао повесить нос.

Лу Ао обмяк в папиных объятиях, потеряв всякую волю к жизни. Все способы заработка, которые он мог придумать, были уже прописаны в Уголовном кодексе.

Зарабатывать деньги — какое это испытание!

И вдруг он услышал, как Цзян Чжиюй говорит:

— И ещё получаешь пол-жёлтой карточки.

Лу Ао недоверчиво выпрямился. Я и так несчастен, а ты ещё и карточку собираешься показать?!

— Таковы правила, — серьёзно сказал Цзян Чжиюй. — Теперь у тебя уже накопилась одна жёлтая карточка. Цени возможность и веди бизнес честно.

— Хм... — безрадостно пробурчал Лу Ао.

Лу Ао отказался от своего плана «заработай на домашках», но слава маленького гения уже разлетелась. С этого дня к нему стали подходить студенты — кто за разъяснением задач, а кто просто поглазеть, правда ли он вундеркинд.

Лу Ао зорко следил: если рядом был папа или большой папа, он хранил молчание. Но стоило им отлучиться, как он...

— Купите бутылочку напитка — и я вам скажу ответ!

Он всего лишь продавал напитки. А в процессе продажи просто перекидывался парой слов с покупателем — никакого незаконного предпринимательства!

Лу Ао, да ты же редкостный талант, прирождённый коммерсант!

Он и сам собой восхищался.

***

Дни текли, как вода, спокойно и без особых событий.

Так незаметно наступили следующие выходные.

Гу Юньфань вскоре должен был уехать в командировку в Наньчэн. Он посоветовался с Чжоу Шо, и они решили свозить Гу Бая в парк развлечений.

Считая себя лучшим другом Лу Ао, Гу Бай, едва узнав эту новость, тут же примчался к нему:

— Аоао, мои папа и большой папа в выходные везут меня в парк развлечений! Хочешь пойти с нами?

Его намерения были самыми добрыми. Но для ушей Лу Ао эти слова прозвучали двусмысленно.

В ту же секунду, услышав это, Лу Ао упёр руки в бока и громко заявил:

— Конечно, я тоже пойду! Но не с тобой, а с моим папой и большим папой! — он резко развернулся и крикнул во весь голос: — Папа! Большой папа!

Цзян Чжиюй и Лу Синъюань высунули головы из-за стеллажей с товарами:

— Чего?

— Что случилось?

Лу Ао, одна рука на боку, другая высоко поднята, словно давал клятву:

— Везите меня в парк развлечений! Мы проведём там целый день! Я хочу прокатиться на каждом аттракционе!

Приказ малыша не мог быть оспорен.

И вот в эту субботу семья втроём встала ни свет ни заря, собрала вещи, надела рюкзаки и отправилась в парк развлечений.

Они рассчитывали, что ранний приезд позволит им войти пораньше и избежать очередей. Но не учли, что все родители думали точно так же.

А если точнее, то все дети накануне похода в парк развлечений были так взволнованы, что не могли уснуть, вскакивали пораньше на родительскую кровать и прыгали на ней, как на

дискотеке, пока те не просыпались.

Семья втроём, одетая в одинаковые футболки с цепочкой маленьких жёлтых уточек, стояла в длинной очереди. Цзян Чжуй потирал глаза, зевал, и слёзы наворачивались на глаза.

Лу Синьюань достал из сумки бумажные платочки и вытер ему лицо.

Лу Ао с прозрачным рюкзаком, полным желе, за спиной, двумя ручками уцепился за подолы рубашек папы и большого папы, следуя за ними.

Цзян Чжуй, всё ещё сонный, пробормотал:

— Прямо-таки благодарен сяо Баю.

— Не за что! — маленькая головка высунулась из-за спины Лу Ао. Гу Бай сиял улыбкой, которая под ярко-красной бейсболкой казалась ещё лучезарнее: — Как здорово, Аоао, ты тоже здесь! Можно нам поиграть вместе?

Лу Ао подумал мгновение:

— Хм... ладно, давай вместе.

Взрослые, глядя на двух малышек, обменялись умиротворёнными улыбками.

— Видишь, они всё же друзья.

— Тогда пойдём вместе.

Тут же они услышали, как Лу Ао заявил:

— Раз так, у нас теперь четверо взрослых! Четверо взрослых могут встать в очереди к разным аттракционам. Тогда мы сможем за самое короткое время прокатиться на самом большом количестве аттракционов!

— Вау! — Гу Бай снова засиял, как звёздочка, и, подперев щёки ладошками, уставился на Лу Ао. — Аоао, ты просто гений!

— Ну конечно, я же...

— Ты просто хитрюга, — голос Цзян Чжуйа вернул его с небес на землю. — Хочешь на что-то прокатиться — стой в очереди сам. Кто стоит в очереди, тот и катается. Занимать очередь за других нельзя, таковы правила. Папа и большой папа тоже хотят покататься.

Лу Ао сделал «кошачью мордочку»².

Примечание 2: 苦瓜脸 / xiǎo māo kuǎ liǎn): «苦瓜» (kuǎ liǎn) дословно означает «унылое/расстроенное лицо», а «小猫» (xiǎo māo — котёнок) добавляет милоты. Это интернет-мем, описывающий жалобное, обиженное или разочарованное выражение лица, похожее на мордочку недовольного котёнка.

К счастью, очередь у входа в парк продвигалась быстро. Они прождали недолго, купили билеты и вошли.

Семейный билет «Весь день напролёт» означал, что, заплатив один раз на входе, они могли

целый день кататься на любых аттракционах. Сам парк был огромным. Хотя народу казалось много, рассредоточенная по разным зонам, толпа становилась не такой уж плотной. Даже в очередях приходилось стоять не больше десяти минут.

Гу Бай, ухватив Лу Ао за руку, рванул вперёд.

На Гу Бае красовалась ярко-красная бейсболка, а на головке Лу Ао сидела лимонно-жёлтая панамка. При входе родители специально купили им яркие воздушные шарик и привязали к запястьям. Так, куда бы они ни умчались, взрослые могли мгновенно определить их местонахождение.

— Давай сначала пройдём лабиринт, потом покатаемся на карусели, а уж потом — на «Больших чашках». Так голова не закружится.

Лу Ао поднял маленькую ручку, словно призывая войска:

— Я хочу на американские горки, на корабль викингов и в дом с привидениями!

— Правда?

— Правда!

Вот это достойные аттракционы для такого крутого босса, как он!

Гу Бай, набравшись храбрости, пошёл с Лу Ао занимать очередь. Но когда они наконец подошли к началу, сотрудник аттракциона сообщил, что трёхлетним детям нельзя кататься на корабле викингов.

— Ха-ха! — Цзян Чжуйюй, схватив Лу Синьюаня за руку, уселся на скамейку корабля. — Аоао, папа с большим папой прокатятся! Ты и сяо Бай ждите тут!

Двум малышам пришлось остаться у будки сотрудника под присмотром Чжоу Шо. Оказалось, Чжоу Шо, обычно невозмутимый, был ужасным трусишкой. Гу Юньфань тянул его на корабль, но тот отчаянно упирался.

Лу Ао молча смотрел на веселящихся папу и большого папу невероятно сложным взглядом.

Ему было совсем не весело!

Трёхлетнему малышу разрешалось играть только в надувном замке или на карусели — такие детские развлечения. От этого ему было очень грустно.

Картина сменилась: Лу Ао медленно и без всяких эмоций погружался в огромное море разноцветных шариков. Гу Бай крепко обхватил его и изо всех сил дрыгал ножками, пытаясь вытащить из шарикового бассейна:

— Аоао, не бойся, я тебя спасу!

— Это же шариковый бассейн, а не бассейн с водой.

— Я всё равно тебя спасу!

Малыши выбрались на «берег» и тут же полезли на надувную лестницу. Забравшись наверх, они скатились с горки и снова шлёпнулись в море шариков. Гу Бай снова обнял Лу Ао и поплыл

к краю. Лу Ао сдался и позволил тащить себя.

Внутри играли дети, а родители наблюдали за ними через ограждение.

Цзян Чжуй с фотоаппаратом в руках старательно их фотографировал. Лу Синьюань с маленьким полотенцем ждал, когда Лу Ао вспотеет, чтобы позвать его и вытереть, не давая простудиться.

Малыши так увлеклись игрой в шариковом бассейне, что забыли о времени. Лишь когда животы заурчали, они почувствовали голод.

Еда в парке развлечений была дорогущей. Обычная бутылка воды стоила десять юаней. Простая порция детского рамена — сто юаней. Поэтому взрослые предусмотрительно взяли еду из дома.

Они расселись кружком на газоне для отдыха посетителей.

Гу Бай открыл рюкзак и стал выкладывать содержимое:

— Молочный чай, сэндвичи... Вот с куриной котлетой, вот с говядиной, а это — с тунцом.

Лу Ао распахнул рюкзак, собранный большим папой:

— Обед приготовил дедушка Чжан. Он запретил нам есть жареную курицу, поэтому специально сделал куриные ножки терияки, а ещё яичницу, овощи и рис.

Солнце пекло, а две семьи сидели в тени деревьев, делясь друг с другом принесённой из дома едой.

Лу Ао двумя руками взял у Гу Бая сэндвич с говядиной и откусил. Но соуса в сэндвиче оказалось слишком много. От одного укуса он вылез наружу и заляпал Лу Ао всё лицо.

Именно в этот момент Цзян Чжуй поднял фотоаппарат:

— Сыыр!

Лу Ао в ужасе поднял голову, отчаянно махая одной рукой:

— Не надо!..

Щёлк! Лу Ао с лицом, измазанным белым соусом, был навеки запечатлён объективом.

***

На следующий день после возвращения из парка развлечений Цзян Чжуй больше не видел Гу Юньфана.

Похоже, он уехал в командировку. Гу Бай снова остался на попечении одного большого папы.

А в последующие несколько дней погода вдруг резко переменилась. Ясное небо сменилось пасмурным, тяжёлые тучи нависли над головой. По утрам и вечерам поднимался ветер, заставлявший оконные стёкла гроыхать.

Несмотря на все признаки надвигающегося дождя, он пока не начинался.

К этому вечеру ветер усилился, став ледяным и пронизывающим. В такую погоду прохожие спешили по домам, и покупателей почти не было. Цзян Чжиюй и Лу Синьюань рано закрыли супермаркет и поднялись с Лу Ао наверх.

Вся семья втроём приняла душ, смыв дневную усталость, и облачилась в мягкие тёплые пижамы. Лу Ао пристроился к Цзян Чжиюю, Цзян Чжиюй облокотился на Лу Синьюаня. Втроём, укутанные в один большой плед, они уютно устроились на диване, слушая завывание ветра за окном, и смотрели душещипательную семейную мелодраму.

Когда на экране показали сцену поцелуя двух главных героев-мужчин, Цзян Чжиюй протянул руку и прикрыл Лу Ао глаза.

Лу Ао вздохнул про себя — он же всё понимает...

Ладно, на самом деле не понимает. В прошлой жизни у него не было отношений, он был холостяком высшей пробы.

Заслон для глаз держали целую минуту. Лу Ао, потеряв терпение, спросил:

— Цзян Чжиюй, они всё ещё целуются?

— Ещё... а? — Цзян Чжиюй поразился. — Ты знаешь, что они делают?

— Конечно, — Лу Ао ответил с полной серьёзностью. — Я же маленький гений.

— Ладно, — Цзян Чжиюй убрал руку, перестав скрывать сцену.

Лу Синьюань серьёзно пояснил:

— Это то, что делают двое людей, испытывающих взаимную симпатию. Как папа и я. Ты поймёшь, когда подрастёшь.

— Не пойму, — Лу Ао заявил с невозмутимым видом. — Я считаю, что чужая слюна — это негигиенично.

Телесериал продолжался, как вдруг внизу экрана побежала строка экстренного оповещения: «КРАСНЫЙ УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ: СИЛЬНЫЙ ЛИВЕНЬ: Наньчэн, Сяочэн...»

Цзян Чжиюй краем глаза уловил эти слова и тут же толкнул Лу Синьюаня, чтобы обратить его внимание. Но он не успел разглядеть подробности, как снизу донёсся громкий стук в дверь:

— Цзян Чжиюй! Лу Синьюань! Помогите!

Железный роллет грохотал под ударами, сливаясь с завыванием ветра. Это был встревоженный голос Чжоу Шо.

<http://bllate.org/book/13911/1225895>Главному злодею снова три с половиной года [ ] [ ]: Глава 33. Малыш раскрывает правду

Yánchéng Tàishòushēng

Ветер выл, железная дверь грохотала. Словно стук судьбы, удар за ударом.

Цзян Чжиюй и Лу Синьюань переглянулись и мгновенно приняли решение.

Цзян Чжюй натянул тапочки и быстро сбежал вниз. Лу Синьюань закутал Лу Ао в плед, взвалил на плечо и последовал за ним.

— Идём! Сейчас! Сейчас открываем! — их торопливые шаги эхом отдавались на лестничном пролёте.

Лу Ао почувствовал необычную напряжённость в воздухе, но ничего не сказал, лишь крепче вцепился в одежду Лу Синьюаня, не сводя глаз с бегущего впереди Цзян Чжюй. Он боялся, что с этими двумя простофилями что-то случится, и был готов в любой момент превратиться в свирепого дракона, чтобы их защитить.

Цзян Чжюй щёлкнул выключателем, схватил ключи с кассы и, резко дёрнув, поднял роллет.

Темноту ночи прорезали редкие вспышки молний. Вслед за ними с дальнего юга донёсся гулкий раскат грома.

Чжоу Шо стоял на пороге, прижимая к себе Гу Бая. Оба были в тонких домашних костюмах.

Лицо Чжоу Шо искажала тревога, всё его тело непроизвольно дрожало. Вечно улыбчивый Гу Бай был смертельно бледен, растерянно глядя на роллет вместе с большим папой.

Увидев, что дверь наконец открыта, Чжоу Шо сглотнул и затараторил:

— В Наньчэне ливень! Мы только что звонили Юньфаню по видео... Он сказал, что отель, где он остановился, в низине, и его уже затопило. Он сейчас переезжает в другой... Потом связь внезапно прервалась! Я звонил ему раз десять — он не берёт трубку! Боюсь, с ним что-то случилось! Хочу поехать к нему, но сяо Бая с собой не возьму... Не могли бы вы...

Он не закончил, как Цзян Чжюй тут же ответил:

— Конечно!

Но Чжоу Шо, казалось, не расслышал. Он лишь крепче прижал к себе Гу Бая:

— Знаю, что это вас обременяет... Вдруг мы... Вам придётся растить двоих детей... Но... — он стиснул зубы, глядя на Цзян Чжюй и Лу Синьюаня, и добавил с небывалой серьёзностью: — Учтите, что мы с Юньфанем тоже защищали Аоао.

— Чжоу Шо, я сказал: конечно! — Цзян Чжюй повысил голос и, боясь, что тот опять не услышит, протянул руки, чтобы взять Гу Бая.

— Конечно... Конечно! — Чжоу Шо опешил, но тут же опомнился, разжал руки и передал ему ребёнка. — Я сейчас соберу вещи сяо Бая! Подождите минутку!

— Не надо! Собирай свои! Сяо Бай может пользоваться вещами Аоао...

— Нет, так нельзя! Мне почти ничего не надо, только телефон, — Чжоу Шо пошарил по карманам, вытащил огромную связку ключей и протянул Цзян Чжюю: — Ключи от чайной. Если что понадобится — заходите, берите. Пусть сяо Бай покажет. Я вам доверяю.

— Ладно. Береги себя. Держи связь.

— Обязательно.

Коротко обсудив всё необходимое, Чжоу Шо прижал ладонь к макушке Гу Бая и крепко поцеловал его в лоб:

— Не бойся. Когда папы нет рядом, слушайся дядю Цзяна и дядю Лу, — он поцеловал сына ещё несколько раз. Последние его слова были: — Папа и большой папа всегда будут любить тебя.

Сказав это, он резко развернулся и практически помчался к машине. Он боялся, что если задержится хоть на секунду, то начнёт метаться, поддастся слабости и останется с Гу Баем, потеряв мужество ехать на поиски Гу Юньфана.

Медлить было нельзя.

В этот момент Гу Бай, которого держал на руках Цзян Чжиюй, осторожно поднял ручку и помахал ею вслед удаляющейся спине большого папы.

Цзян Чжиюй опустил взгляд, удивлённый.

— Большой папа забыл попрощаться, — тихо объяснил Гу Бай. — Но ничего, я уже попрощался за него.

— Умничка, — кивнул Цзян Чжиюй. — Большой папа вернётся через несколько дней. Поживёшь пока у Аоао, хорошо?

Чжоу Шо, успев лишь набрать номер на телефоне, бросился обратно в чайную. Накинул наспех куртку, схватил ключи от машины — и был готов отправляться.

Перед самым отъездом он обернулся и помахал рукой в сторону супермаркета:

— Заходите скорее! Ветер слишком сильный!

В следующее мгновение он прыгнул в свой маленький зелёный электромобиль, нажал на газ и рванул в объявившие его ревушие порывы ветра.

Гу Бай не отрывал взгляда от направления, куда уехала машина. Цзян Чжиюй, видя его заворожённость, не торопил его, продолжая держать на руках и позволяя смотреть столько, сколько нужно.

Но, боясь, что ребёнок замёрзнет, Цзян Чжиюй обернулся и помахал Лу Синьюаню.

Лу Синьюань с Лу Ао на руках подошёл и наполовину развернул плед, укутывавший Лу Ао, чтобы укрыть и Гу Бая. Лу Ао вёл себя на удивление смирно, не ревнуя, что папа держит другого малыша. Он лишь моргал, переводя взгляд с папы на большого папу, а затем останавливая его на Гу Бае.

Это никак не могло быть его воображением. На Гу Бае лежала печать непроходящей печали. Не просто грусть от разлуки с папой и большим папой, а иная печаль, обычно не присущая ребёнку.

Семья так и стояла рядом с Гу Баем, пока порыв ветра не ударил им в лицо. Гу Бай шмыгнул носом.

— Замёрз? Если замёрз, пойдём внутрь, — Цзян Чжиюй растёр его маленькие ручки, стараясь говорить легко. — Сегодня ночевать будем в новом месте! Прямо как в приключении, очень интересно!

— Угу, — Гу Бай хотел его поддержать, но совсем не было сил. — Спасибо, дядя Цзян.

— Не за что, — Цзян Чжиюй спросил: — Ты уже купался? Не голодный? Приготовить тебе чего-нибудь?

— Я ещё не купался. Но я не голодный.

— Тогда сначала зайдём к тебе домой, соберём вещи, возьмём сменную одежду.

— Хорошо.

Ветер крепчал. Цзян Чжиюй, неся Гу Бая, и Лу Синъюань с Лу Ао на руках, пробирались против ветра в чайную. Планировка чайной была похожа на их супермаркет: первый этаж — магазин, второй и третий — жилые помещения. Всё было убрано, чисто и аккуратно.

Гу Бай повёл их в свою комнату.

Лу Синъюань нашёл чистый пакет, открыл шкаф и достал оттуда по несколько вещей: тёплые и лёгкие, пижамы и верхнюю одежду, нижнее бельё и повседневные вещи.

Боясь, что ребёнку будет некомфортно спать на чужой кровати, Цзян Чжиюй взял маленькую подушку Гу Бая, завернул её в его детское одеяльце и, свернув в рулон, взял с собой.

Пока взрослые хлопотали, двое малышей, укутанные в один плед, стояли рядышком и внимательно смотрели на них снизу вверх. Плед был слишком длинным и волочился по полу, отчего они походили на двух маленьких привидений.

Когда Цзян Чжиюй сворачивал одеяло, оттуда выпал потрёпанный плюшевый мишка. Цзян Чжиюй тут же поднял его, отряхнул пыль и протянул Гу Баю.

— Сяо Бай, это твой мишка, с которым ты спишь? Держи.

Гу Бай взял игрушку и тихо пробормотал:

— Спасибо, дядя Цзян.

Лу Ао огляделся по сторонам и напомнил:

— Папа, сяо Бай ещё не взял свои детские часики.

— Ах, точно, я забыл!

Цзян Чжиюй поискал и нашёл часы на обеденном столе на втором этаже. Надев их Гу Баю на руку, он мягко сказал:

— Папа и большой папа в ближайшие дни будут очень заняты. Может случиться, что они не смогут ответить на твой звонок. Но не волнуйся, с ними всё будет в порядке.

— Угу.

Взрослые собрали вещи, ещё раз осмотрели дом сверху донизу: закрыли все окна, вытащили вилку телевизора из розетки. Лишь затем погасили свет, заперли дверь и ушли.

Цзян Чжиюй нёс свёрнутое одеяло и пакеты с вещами. Лу Синъюань держал на руках обоих

малышей. Четверо — двое взрослых и двое детей — вернулись в супермаркет.

Едва переступив порог, они оставили бушующий ветер снаружи. Температура воздуха внутри была ощутимо выше.

Цзян Чжуй пересчитал всех, убедился, что никто не остался снаружи, и опустил роллет, заперев вход на замок.

— Пошли наверх.

Такой шум наверняка разбудил рано ложащегося спать дедушку Чжана. Он встал, но не стал расспрашивать, а молча направился на кухню. Поставил кастрюлю с водой на огонь, чтобы сварить для всех лапшу:

— Скоро будет готово. В такой холод нужно поесть перед сном.

— Хорошо.

Пока лапша варилась, Цзян Чжуй и Лу Синъюань поднялись с детьми наверх. В ванной Лу Синъюань набрал для Гу Бая таз тёплой воды и дал новое полотенце:

— Жары не было, поэтому просто оботрись как следует. Мы с дядей Цзяном будем снаружи. Если что — позови.

Гу Бай послушно кивнул:

— Хорошо, спасибо.

Цзян Чжуй тем временем готовил спальное место. К счастью, когда они покупали кровать для Лу Ао, выбрали полутораспальную. Места хватило бы даже на троих малышей.

Но перед этим Цзян Чжуйю нужно было кое-что сделать.

Он взял Лу Ао на руки и тихо сказал:

— Аоао, ты же видел, у сяо Бая дома случилось неладное, поэтому он ненадолго остаётся у нас. Ты...

Лу Ао с лёгкой досадой прервал его:

— Папа, не волнуйся. Я не буду его обижать.

— Что за глупости! Папа совсем не это имел в виду! — Цзян Чжуйю крепче обнял сына. — Наш Аоао — самый милый, самый дружелюбный и самый добрый малыш на свете! Разве он станет кого-то обижать просто так?

Лу Ао удивлённо моргнул, внимательно глядя на отца.

— Папа хотел сказать, что сяо Бай теперь наш гость, а ты — хозяин дома. Ты должен вместе с двумя папами проявить гостеприимство, хорошо заботиться о сяо Бае, верно? И ещё папа хочет сказать: хотя сяо Бай теперь гостит у нас, и папам нужно заботиться о двоих детях, делить внимание... — Цзян Чжуйю прижался лбом к лбу сына, — ты навсегда останешься самым любимым малышом для твоего папы и большого папы.

Лу Ао спросил:

— А сяо Бай?

— Сяо Бай — самый любимый малыш для своего папы и большого папы. Каждый папа сильнее всего на свете любит своего ребёнка, — Цзян Чжуйюй мягко погладил его по спинке. — И если тебе вдруг покажется, что папа или большой папа поступают несправедливо, что мы уделяем ему больше внимания — ты обязательно скажи нам. Хорошо?

Лу Синьюань подошёл и одобрительно потрепал Лу Ао по макушке.

Только теперь Лу Ао понял — они боялись, что он ревнует. Подумаешь, важность какая! Неужели он станет злиться из-за таких пустяков? В конце концов, сяо Бай последнее время постоянно играл с ним, угощал молочным чаем и сэндвичами. Он же не какой-нибудь мелкий ревнивец!

Лу Ао важно выпятил грудь:

— Не беспокойтесь! Я, Лу Ао, всегда широко открываю двери для талантов!1 Даже к сяо Баю я буду относиться хорошо. А вы, как мои родители, обязаны заботиться о моих друзьях. Это само собой разумеется!

Примечание 1: (宽纳贤才 / guǎng nà xián cái). Китайская идиома, дословно «широко принимать достойных и талантливых». Обычно используется правителями или руководителями.

— Э-э... — Цзян Чжуйюй слегка опешил. Хоть это и прозвучало немного странно, но по крайней мере не было обидным. — Тогда давай вместе застелем кроватку. Вечером ты будешь спать со своим другом, хорошо?

Лу Ао похлопал себя по груди:

— Без проблем!

Цзян Чжуйюй шлёпнул его легонько по попе:

— Залезай на кровать, подвинь свою подушечку и одеялко. Хочешь спать у стеночки или с краю?

— Я с краю! — серьёзно заявил Лу Ао. — Как хозяин я, конечно, должен спать снаружи!

— Ладно.

Пока семья наводила порядок в постели, Гу Бай закончил купаться. В пижаме он вышел из ванной. Лу Синьюань потрогал его голову, убедившись, что волосы сухие, накинул на него кофточку, и все четверо спустились вниз.

Как раз в это время дедушка Чжан закончил варить лапшу с овощами и мясом. Пар от горячей лапши, изумрудная зелень свежих овощей и тонко нарезанные, предварительно замаринованные полоски свинины, быстро обваренные в кипятке. Сверху — золотистая яичница, политая ложкой горячего бульона.

Просто, но очень вкусно.

Даже полный тревоги Гу Бай, хоть и без особого аппетита, под настойчивым, но мягким

взглядом Цзян Чжюя доел мясо и яичницу.

После лёгкого ужина малышей отправили в кровать.

Спать сразу не обязательно, но можно начинать настраиваться на сон.

При свете ночника двое малышей сидели рядышком на кровати, укрытые одеялом, и слушали, как Цзян Чжюй рассказывает им сказку. Сказку про трёх поросят.

Цзян Чжюй сидел у изголовья, поправляя на них одеяло, его лицо было добрым, а голос — нежным:

— Первый поросёнок построил домик из соломы; второй поросёнок построил домик из веточек; третий поросёнок построил домик из кирпичей. Соломенный домик волк сдул, домик из веточек волк разломал, а в кирпичный домик волк полез через трубу! Тогда три поросёнка закричали все вместе... — Цзян Чжюй сделал драматическую паузу, а затем громко прокричал: — «Папа! Большой папа! Спасите нас скорее!» И тогда папа и большой папа трёх поросят, словно волшебники, спустились с неба и отшвырнули злого волка подальше! Счастливый конец! — Цзян Чжюй захлопал в ладоши. Лу Синъюань поддержал его аплодисменты.

Двое же малышей сидели в оцепенении, не проявляя особых эмоций.

— Вопрос! — Цзян Чжюй посмотрел на них. — Чему нас учит эта сказка?

Лу Ао с каменным лицом поднял руку:

— Папа и большой папа — это свиньи. Причём очень сильные свиньи.

— Неправильно! — поправил его Цзян Чжюй. — Она учит нас, что папа и большой папа всеильны! Папа и большой папа невероятно сильны и могут преодолеть любые трудности!

Он ущипнул за щёчки Лу Ао и Гу Бая и с непоколебимой уверенностью повторил:

— Папа и большой папа всеильны. Ладно, сказка закончена. Пора спать.

Лу Ао, разумеется, не верил в сказки, но Гу Бай, похоже, поверил. Он лежал под одеялом, крепко сжимая его края, и с твёрдой надеждой смотрел на Цзян Чжюя:

— Спасибо вам, дядя Цзян.

— Не за что, — улыбнулся Цзян Чжюй, ещё раз поправив одеяло. Лу Синъюань выключил ночник, и они вдвоём вышли в темноте.

***

Двое взрослых вернулись в свою комнату.

Цзян Чжюй включил телефон, чтобы проверить погоду в Наньчэне. Всё ещё действовало красное штормовое предупреждение — ситуация даже попала в новости. На кадрах репортажа хрупкая журналистка в дождевике едва держалась на ногах от порывов ветра, а её голос едва пробивался сквозь шум. Ливень хлестал по ней струями, а у её ног уже булькала мутная вода, поднимающаяся выше лодыжек.

Положение выглядело тревожным.

Цзян Чжиюй нахмурился, и в голосе его зазвучало беспокойство:

— Лу Синъюань, как думаешь, не могло ли это быть... — он тут же отбросил собственную мысль: — Не может. Раз уж мы смогли вырастить корпорацию до лидера отрасли — куда сильнее, чем раньше; раз уж мы уехали оттуда и завели здесь бизнес; раз уж наши семьи и семья Гу Бая действуют самостоятельно, делая что захотят... значит, все те ограничения исчезли ещё в самом начале этого жизненного цикла.

Лу Синъюань кивнул, обнял его за плечи:

— Скорее всего, это просто погода. Случайное совпадение. Ливень в мае — дело обычное. Телефон Гу Юньфаня мог разрядиться, потеряться при эвакуации, или сигнал заглушило грозой — всё это естественно. Не накручивай себя.

— М-м... — Цзян Чжиюй отложил телефон и вздохнул. — Надеюсь, ты прав.

Он опустил взгляд, скрывая грусть:

— После возвращения столько лет мы действовали свободно: вместе учились, свободно открыли супермаркет, свободно растим Аоао, свободно делаем всё, что захотим... Вдруг мы снова...

Лу Синъюань обнял Цзян Чжиюя сзади, заключив того в объятия, прижался щекой к его щеке и тихо успокоил:

— Сяо Юй, не будет никакого «вдруг». От прошлого и доньше всё изменилось. Абсолютно. И сейчас — просто совпадение.

— Угу, — глухо отозвался Цзян Чжиюй.

— Если волнуешься — пойдём в кабинет? Почитаем, проверим активы?

— Хорошо.

В ту ночь под вой ветра Цзян Чжиюй и Лу Синъюань устроились на диване: один с книгой, другой — со стопкой сберегательных сертификатов. Наличные, золото, недвижимость, магазины — всего в избытке. И они неспешно всё пересчитывали.

***

В это же время.

Лу Ао и Гу Бай лежали рядышком в тёплой кровати, сон их был пока спокоен. Уходя, Лу Синъюань специально оставил на окошке микрощёлку для воздуха. Ветер постукивал в стёкла, изредка издавая лёгкие шорохи.

Спустя время, словно наньчэнские тучи добрались до городка, здесь тоже начал накрапывать дождь.

Сначала редкие капли стучали по стеклу почти беззвучно. Но вскоре ливень усилился, капли стали крупнее, а их стук по окнам — тяжелее и чаще. Это был настоящий потоп.

Гу Бай, пребывая в полудрёме, почувствовал, как кто-то на цыпочках вошёл в комнату и плотно закрыл окно.

Шум ветра и дождя притих, но не исчез полностью.

В тот миг, когда невидимый гость вышел и притворил дверь, Гу Бай открыл глаза. В темноте он моргнул и инстинктивно позвал:

— Большой папа?..

Но ответил ему лишь Лу Ао, лежавший рядом.

Лу Ао, кутаясь в одеяло, заворочался и буркнул раздражённо:

— Ммм? Чего надо?

Детский голосок — Гу Бай сразу понял, кто это. И во сне умудряется старшинство присвоить... Характерный для тебя поступок, Лу Ао.

Гу Бай вздохнул, закрыл глаза, пытаясь снова заснуть. Но стоило ему сомкнуть веки, как перед ним встали образы папы и большого папы. Сознание внезапно прояснилось до кристальности — и сон как рукой сняло.

Как там папа и большой папа?

Где сейчас папа? Успел ли добраться до безопасного места?

До какого пункта доехал большой папа? Выдержит ли его машинка такой ураган?

А вдруг папу затопило? А если большого папу ветром унесло?

А если... если он снова останется совсем один... что тогда делать?

Кисло-щемящее чувство подкатило от сердца Гу Бая к переносице, захлестнуло глаза.

В завываниях ветра затерялись тихие всхлипы:

— У-у-у... у-у-у...

Лу Ао резко подскочил на кровати, широко раскрыв глаза, озираясь по сторонам.

— У-у-у... у-у-у...

Беда! Привидение!

Лу Ао сбросил одеяло и кинулся искать взрослых:

— Папа! Большой папа!...

Не успев спуститься с кровати, Лу Ао вдруг вспомнил: Гу Бай спит рядом. И тогда, движимый детским чувством товарищества, он рванул обратно, чтобы разбудить Гу Бая и вместе бежать:

— Гу Бай, просыпайся, тут привиде...

Стоп. Похоже, звуки доносятся из-под одеяла Гу Бая.

Лу Ао сморщился, прислушался, подойдя поближе. Разобрать не смог — решительно откинул край одеяла.

Так и есть! Это он!

Гу Бай прятался под одеялом один. Личико покраснело от плача, весь он вздрагивал мелкой дрожью.

Почувствовав, что одеяло сдёрнули, он увидел Лу Ао, торопливо приподнялся, вытирая глаза тыльной стороной ладони:

— Аоао, я тебя разбудил? Прости.

Лу Ао надул губки:

— Не-а. Я просто в туалет хотел.

— А... Тогда иди. Я сейчас перестану плакать.

Гу Бай изо всех сил тёр кулачками глаза, пытаясь сдержать слёзы. Но слёзы будто хлынули из прорванного крана — ручьём, и остановить их было невозможно.

Лу Ао закусил губу:

— Позвать моего папу?

— Не надо! — Гу Бай тут же ухватился за его рукав. — Я скоро успокоюсь, не буди их.

— Ладно, — Лу Ао на ощупь достал с тумбочки пачку детских салфеток, которыми папа вытирал ему лицо, и протянул их.

— Спасибо.

— Воды хочешь? Большой папа говорит, если много плакать — обезвоживание будет. Надо пить.

— Не надо, не хочу.

Лу Ао не мастер утешать, тем более — своего заклятого соперника. Он напряжённо подбирал слова и наконец выдал:

— Ты о Чжоу Шо и Гу Юньфане думаешь? Не бойся, с ними всё будет в порядке.

Гу Бай уставился на него поверх салфетки. Лу Ао добавил:

— Не спрашивай почему. Я просто знаю.

Он не помнил событий своих трёх лет в прошлой жизни, но знал: Чжоу Шо и Гу Юньфань — папа и большой папа главного детёныша. С ними ничего не может случиться.

— Спи лучше. Они, может, ещё и беду в удачу обратят, здоровенный контракт подпишут. А ты тут ревёшь, заболеешь — это ж как невыгодно!

Так в книжках всегда писали.

Сказав это, Лу Ао откинул одеяло, собираясь лечь. Но в этот момент Гу Бай, сидя в темноте, тихонько произнёс:

— Лу Ао, ты ошибаешься.

Лу Ао почувствовал неладное и сел. Как?! Он посмел назвать меня по полному имени?! Этот...

Гу Бай уже перестал плакать. Он поднял голову, и его взгляд — тот самый, знакомый, пронзительно-печальный — устремился на Лу Ао.

Одного этого взгляда хватило, чтобы Лу Ао оцепенел.

— Большой папа главного героя тоже может умереть. Папу главного героя тоже могут ограничить. Семья главного героя тоже может столкнуться с непреодолимыми трудностями. Лу Ао, я же говорил тебе: мы с тобой — одинаковые.

<http://bllate.org/book/13911/1225896>Главному злодею снова три с половиной года [ ] [ ]: Глава 34. Ночные откровения малыша

Yánchéng Tàishòushēng

«Мы одинаковые».

Эти слова были до боли знакомы Лу Ао.

В прошлой жизни, среди воя урагана и вспышек молний, в загородной вилле, когда Лу Ао поднял пистолет к своему виску, Гу Бай произнёс то же самое.

«Мы одной крови».

Тогда Лу Ао не придавал этим словам значения.

Он решил, что Гу Бай придумывает страдания — как может любимец семьи, идеальный главный герой, быть одного рода с изгоем-антигероем из разрушенной семьи?

Но сейчас трёхлетний Гу Бай повторил эти слова вновь.

В этот миг молния рассекла небо, осветив обоих.

Трёхлетний Лу Ао поднялся на кровати, выпрямившись. Личико его стало строгим, взгляд — сосредоточенным и серьёзным.

Трёхлетний Гу Бай сидел напротив, отбросив детскую наигранность, глядя на него тем самым — знакомым — взором.

Лу Ао знал этот взгляд слишком хорошо. В прошлой жизни, сквозь толпу, Гу Бай смотрел на него так не раз. То с грустью, то с радостью, неизменно тая невысказанное.

А Лу Ао вечно принимал это за вызов.

Лишь теперь, вблизи, он понял: это не был вызов. Гу Бай и вправду страдал.

Лу Ао изо всех сил старался казаться властным, даже пухлые щёчки напряглись:

— Гу Бай, что ты этим хочешь сказать?

Гу Бай смотрел на него не отрываясь:

— Лу Ао, ты ведь давно догадался, правда?

Лу Ао сделал вид, что не понимает:

— Догадался о чём?

Гу Бай продолжил:

— Что я, как и ты, переродился.

Лу Ао вздрогнул, затем скрестил пухлые ручки на груди, не отвечая.

— В тот день, когда был шторм, ты был на вилле, а я — в вертолёте. Ты застрелился. А я прыгнул в море.

Говоря о прошлой жизни, Гу Бай, кажется, смутился. Он отвёл взгляд, не желая встречаться глазами.

Лу Ао же уставился на него в немом изумлении.

— А когда я очнулся — превратился в трёхлетку. Рядом были папа и большой папа. С тобой ведь случилось то же самое?

Лу Ао хранил молчание.

— В тот день в больнице я сразу понял: ты тоже переродился. Ты ведь тоже узнал меня?

— М-м, — наконец пробормотал Лу Ао, неохотно признаваясь. — Узнал.

Они же были заклятыми врагами всю жизнь.

В прошлой жизни Лу Ао и Гу Бай провели вместе больше времени, чем с собственными отцами. При первой же встрече после перерождения, когда Гу Бай выскочил из-за угла и врезался в Лу Ао, тому хватило одного мига, одного взгляда для уверенности.

Тем более что позже...

Отец Гу Бая упомянул, что тот тоже болел — и в те же самые дни, что и Лу Ао.

Гу Бай одолжил ему детские часики и помог стереть историю поиска.

Гу Бай тянул его за руку из ямы с шариками к краю.

Лу Ао пробормотал:

— Взрослый, прикидывающийся ребёнком. Гу Бай, ты играешь отвратительно.

Гу Бай ответил с серьёзным видом:

— Ты тоже.

— Со мной иначе! Я никогда не притворялся, — Лу Ао задрал подбородок. — Я всегда был собой.

Гу Бай безжалостно разоблачил:

— Потому что по натуре ты и есть такой незрелый.

— Вряд ли твой «самодельный зелёный сок» и «мольбы на коленях, чтобы мой папа включил тебе мультики» менее инфантильны!

Они и были заклятыми врагами, а теперь, сбросив последние маски, предались перепалке без ограничений.

Два малыша сидели рядом на кровати, прислонившись к стене, не глядя и не замечая друг друга.

Спустя неведомое время Гу Бай снова заговорил:

— На самом деле ты тоже скучаешь по своему папе и большому папе, да?

— Хмф! — Лу Ао отвернулся. — Я по ним не скучаю! Просто... просто...

...Просто капельку-капельку-крошечку скучаю.

— А я по своим очень скучаю.

— Ты посмел?! — Лу Ао взорвался яростью.

— Я о своём папе и большом папе.

— А, ну тогда ладно.

Лу Ао решил, что Гу Бай имеет в виду его родителей. Осмелся тот по ним затосковать — получил бы кулаком.

— Я правда по ним скучаю, — Гу Бай обхватил коротенькие ножки, опустив голову. Голос его стал глухим. — Очень-очень.

Он поднял взгляд:

— Ты ведь тоже знаешь? В прошлой жизни мы жили внутри книги.

— М-м, — буркнул Лу Ао.

— Она называлась «Всеобщий любимец: Малыш трёх с половиной лет». Я был тем «любимцем»... Все меня обожали...

— Хватит самовосхваления! — Лу Ао фыркнул. — Не «все»! Мой папа и большой папа любят меня! Сильнее всех! И только меня, малыша Аоао!

Перед сном папа сам ему это сказал. Каждый малыш — самый любимый для своих папы и большого папы.

— Верно, — согласился Гу Бай. — Они были единственными в том мире, опутанном сюжетными

ограничениями, кто из всех сил рвался сквозь эти путы, любя тебя всем сердцем.

— Ещё бы! — Лу Ао опустил голову, пряча пылающие щёки и уши. Голос его стал тише: — Без таких способностей как они вообще посмели бы зваться моими папой и большим папой? — Вдруг Лу Ао вспомнил: — Что ты сказал до этого? Про... «ограничения сюжета»?

— В том мире ограничения пронизывали всё, — пояснил Гу Бай. — Вот взять мою семью...

Он поднял взгляд, будто глядя сквозь тьму в далёкую бездну.

— ...Чтобы вылепить «идеального всеобщего любимца», сюжет заставлял меня с года учить фортепиано, английский, вэйци и прочее. Заставлял заискивать перед язвительными старейшинами семьи Чжоу. Сюжет принуждал осваивать разные навыки, но при этом не позволял взрослеть — в десять лет я должен был оставаться «милым» годовасиком, нести инфантильный бред, говорить сюсюкающе: «кушать-ням-ням», «водичку-буль-буль»... Меня от этого тошнило.

— ...Чтобы создать «идеальную семью», сюжетные оковы держали моего папу Гу Юньфаня дома «идеальной домохозяйкой», чья жизнь крутилась вокруг моих уроков, игр и готовки ночного перекуса для большого папы. Сюжетные цепи гнали моего большого папу Чжоу Шо за рубеж к множеству опасностей, втягивая в бессмысленные бандитские разборки, заставляя выживать под беспричинным огнём.

— Но в реальности... Мой папа, Гу Юньфань — величайший, самый амбициозный предприниматель в мире. Он вырос в нищете, но в любом деле рвался к вершинам. Вечный первый на экзаменах. Лучший выпускник факультета финансов. После университета сразу вошёл в корпорацию «Чжоу».

— Мой большой папа, Чжоу Шо — непревзойдённый, дотошнейший кондитер и пекарь. Родившись в клане Чжоу, он ничего не смыслил в бизнесе, а бандитские войны вызывали у него отвращение. Всё, чего он хотел — печь хлеб. Папа и большой папа встретились в корпорации «Чжоу» и полюбили друг друга. Несмотря на разные стремления, они были счастливы.

— Но после моего рождения всё изменилось. Папа оказался заперт дома, а большой папа — брошен за границу.

Так вот в чём дело.

Так называемые «доминирующий верхний» и «невинная белая лилия» — все эти образы были навязаны сюжетом.

Так называемые «авторитет, владеющий и чёрным, и белым»¹ и «кроткая добродетельная жена» — всего лишь маски, вылепленные сюжетным насилием.

Примечание 1: (黑道大佬, hēibái tōng chī dàlǎo gōng): Клише «мафиозный босс с связями в легальном и криминальном мире».

Лу Ао наконец понял, почему в этой жизни образы отца и большого папы Гу Бая так разительно отличались от прошлой.

Он молча смотрел на Гу Бая. Не зная, как утешить, лишь осторожно положил маленькую ладошку ему на плечо.

Но Гу Бай продолжил:

— Это ещё не всё, — он повернулся: — Лу Ао, как думаешь, до сколько лет человек считается ребёнком?

Лу Ао подумал:

— До шести.

В прошлой жизни в шесть лет он потерял обоих отцов. Поэтому — шесть.

— Для меня — до десяти, — сказал Гу Бай. — В десять лет сюжет решил, что я больше не «малыш», и снял ограничения с главного героя и его семьи.

Лу Ао оживился:

— Разве не стало лучше?

— Но... За эти десять лет большой папа нажил множество врагов. А папа... погрузился в тяжёлую депрессию. Большой папа изо всех сил защищал себя, меня, отца... Но когда мне исполнилось тринадцать, его убили те, кому он когда-то перешёл дорогу.

Тогда они ещё учились в средней школе. Лу Ао тоже помнил: Чжоу Шо погиб как раз в тот период. Хотя ему говорили, что это был несчастный случай — автомобильная авария.

Лу Ао помнил тот похоронный день. Моросил противный дождь. В строгом чёрном детском костюме в сопровождении дворецкого лао Чжана он пришёл на церемонию от имени семьи Лу. Трижды поклонился перед портретом и вышел через чёрный ход.

Тринадцатилетний Гу Бай, тоже в чёрном, с белой траурной повязкой на рукаве, сидел на ступеньках, скрытых розами. Эта встреча испугала Лу Ао. Охваченный подростковым бунтом, он видел в нём лишь врага. Не желая разговаривать, повернулся уйти.

Но Гу Бай поднял голову. Его голос был хриплым от слёз:

— Лу Ао, мы с тобой одинаковые.

Лу Ао уже сделал шаг, когда услышал насмешки других подростков в адрес Гу Бая:

— Ой, смотрите, малыш сяо Бай тут плачет!

— Это называется «слёзки-бульки», «бусинки-росинки»!²

Примечание 2: (口口口 / 口口口口, liú lèi lèi / diào xiǎo zhū zhū): издевательское пародирование сюсюканья, которое Гу Бай ненавидел и которым сюжет заставлял его разговаривать.

— Ха-ха, малыш сяо Бай, ты до сих пор сюсюкаешь?

Лу Ао с каменным лицом обернулся и приказал сопровождавшим его телохранителям выдворить насмешников. Затем велел дворецкому лао Чжану выяснить, из каких они семей: корпорация Лу разрывает с ними все деловые связи навеки.

Наконец он сорвал с розового куста один из последних цветков и протянул Гу Баю. Тот протянул руку, но шип впился в ладонь, оставив капельку крови. Лу Ао стоял над ним, смотря

свысока:

— Ничтожество. Даже дать сдачи не смеешь. Мы с тобой — не одно и то же.

Позже поговаривали, что Гу Бай записался в боксёрскую секцию, в которую ходил Лу Ао. Изнурительные тренировки, резкий скачок роста — и насмешники притихли.

Его отец, Гу Юньфань, собрал волю в кулак, удержав рушащуюся империю.

Пока депрессия не забрала и его, оставив Гу Бая в полном одиночестве.

«Главный герой» Гу Бай не сиял, как представлял Лу Ао.

Сюжетные пути исковеркали их жизни. Подобно урагану, сметающему всё на пути.

Ветер равнодушно пронёсся над миром, коснувшись всех.

Сперва забрав отцов Лу Ао, затем — отцов Гу Бая, и наконец поглотив их самих.

После ветра остались лишь руины.

Разница была лишь во времени и очерёдности.

— Вот почему я говорю: мы одинаковые.

Гу Бай не выдержал. Уткнувшись лицом в ладони, он разрыдался:

— Главные герои тоже умирают... Их отцы тоже погибают... Я так боюсь... Боюсь, что с ними снова случится беда... После перерождения я видел: папа и большой папа свободны! Думал, сюжет нас отпустил... Но папа снова в опасности...

Лу Ао медленно протянул руки и обнял его.

— Гу Бай, ты прав. Твои отцы теперь совсем другие. Власть сценария разрушена. Этот ливень — просто совпадение. Летом часто грозы. Всё будет хорошо. Не плачь.

Гу Бай судорожно вцепился в его одежду, опустив голову. Он стискивал зубы, пытаясь сдержать некрасивые рыдания.

— Главные герои тоже умирают... Их семьи тоже гибнут... — бормотал он, заезженной пластинкой повторяя кошмар.

— Хватит реветь, — Лу Ао не отпускал объятий, похлопывая его по спине. — Уже всё позади.

Новая молния озарила комнату — два трёхлетних комочка прильнули друг к другу вплотную. словно пара круглых и липких моти, они слиплись от похлопываний в единый комок.

— У-у-у... Лу Ао, я всё равно боюсь... — всхлипывал Гу Бай, вздрагивая.

Лу Ао неумело смягчил голос:

— Не бойся.

— Всё равно боюсь...

— Гу Бай! — Лу Ао внезапно повысил голос, заговорив строго. — Прекрати плакать!

Гу Бай вздрогнул. Слёзы мгновенно высохли. Он поднял заплаканное личико, уставившись на него в оцепенении.

Лу Ао принял серьёзный вид:

— Ты сам сказал: в прошлой жизни к десяти годам сюжетные пути исчезли. О чём тогда рыдать? Мой папа с большим папой открыли супермаркет. Твои — чайную лавку. Мы вообще в другом городе! Какие ещё пути? Даже если бы они были... — голос его окреп, обретая прежнюю дерзость. — Ну и что?

Лу Ао выкарабкался из постели, встав во весь рост: одна ручонка упёрлась в бок, другая указующе вознеслась к потолку. Гу Бай обхватил его за пухлый животик, повиснув на нём, и глядел снизу вверх со слезинками в глазах.

— Я, Лу Ао, с пелёнок не страшился ни небес, ни земли! Невидимая и неосязаемая дрянь — чего её бояться? Это просто ливень! Завтра утром проверим новости, погуглим, позвоним твоему папе по часам! А если не найдём — сам отведу тебя в Наньчэн! Мы их отыщем!

В этот миг, стоя в темноте, Лу Ао будто излучал золотое сияние — ослепительное и непоколебимое. Гу Бай вытер глаза, глядя на него с новой твёрдостью:

— Ты прав, Лу Ао. Хныкать тут — трусость. Надо действовать самому — искать папу и большого папу. Спасибо... Но мне не нужна компания. Я справлюсь.

Лу Ао плюхнулся обратно на матрас:

— Сбежать тайком — не смей! Мой папа с большим папой приютили тебя. Ты сбежишь — их ославят злодеями!

— Знаю, — Гу Бай шмыгнул носом. — Не волнуйся, за добро злом я не отплачу.

— Ага, — Лу Ао подтянул сброшенное одеяло. — Сию секунду — спать! Копим силы. Завтра — ищем способы с ними связаться!

— Ладно.

Незаметно для себя малыши оказались под одним одеялом. Лу Ао лежал на спине, Гу Бай — на боку, обняв его за животик. Слёзы высохли, но он всё ещё порой шмыгал носом.

Лу Ао буркнул:

— Шумно! Вытри сопли!

— Угу, — Гу Бай выполз, высморкался в салфетку, вернулся под одеяло и снова обнял товарища.

Лу Ао фыркнул:

— Гу Бай, ты и впрямь стал похож на трёхлетку. Плакса несуразная.

Гу Бай, успокоив дыхание, тихо возразил:

— Это передо мной и сейчас ты храбрец... Но если бы с твоими папой и большим папой случилась беда — ты бы тоже ревел.

— Не каркай! — первой реакцией Лу Ао был не отпор, а суеверный ужас. — С ними ничего не случится!

— Прости... Тьфу-тьфу-тьфу! — прошептал Гу Бай.

Лу Ао замолчал. Если бы беда пришла к тем двум болванам — Цзян Чжиюю и Лу Синьюаню... Их бы защитил только он, Лу Ао! Он сжал кулачки, полный решимости.

Силы малышей были на исходе: рыдания и перепалка вымотали их. В тишине усталость накрыла волной. Погружаясь в сон, Лу Ао услышал шёпот:

— Спасибо... Ты всегда приводил меня в чувство руганью.

Лу Ао заворочался, ворча:

— Пожалуйста... Первый раз вижу, чтоб за ругань благодарили.

Гу Бай глупо ухмыльнулся, крепче прижимаясь к нему:

— Сто первый раз. В прошлой жизни — сто раз благодарил.

— Балда! Ты до ста вообще считать умеешь?

— Умею! Я всё записывал.

За окном ливень не утихал. Под аккомпанемент грома и стука капель малыши грели друг друга.

В какой-то момент дверь бесшумно приоткрылась. Увидев, что они уснули, незримый гость так же тихо её притворил.

***

— Пффф... Лу Синьюань, иди смотри! Малыши спят в полном анархическом беспорядке!

— Сейчас гляну.

Сквозь дремоту Лу Ао уловил знакомый весёлый голос.

— Одеяло на полу! Я поправлю...

— Не надо. Всего восемь утра. Вчера поздно уснули — пусть поспят.

— Ладно.

Восемь?! Беда! Лу Ао распахнул глаза и мгновенно подскочил на кровати. Цзян Чжиюю и Лу Синьюань, собиравшиеся тихо уйти, замерли в изумлении. Раз уж он проснулся, Цзян Чжиюю распахнул дверь, присел рядом:

— Папа с большим папой разбудили тебя?

— Нет, — Лу Ао уставился на них. — В школе уже уроки! Вы вниз спускались? Сдачу не

перепутали? Утренняя выручка сколько?

Улыбка Цзян Чжюя застыла. Ну конечно. Маленький скряга Лу Ао. Только глаза открыл — уже про деньги. Интересно, в кого?

Лу Синьюань поднял одеяло, бросив на Цзян Чжюя красноречивый взгляд:

— Дождь не прекратился. Школа отменила занятия, покупателей почти нет.

— Эх, — недовольно надулся Лу Ао.

— Пойдём, папа отведёт тебя умываться, пусть сяо Бай поспит.

— М-м...

Цзян Чжюю потянулся, чтобы взять его на руки. Лу Ао послушно поднял ручки. Но...

— Аоао, ты что, за ночь тяжелее стал? Папа вдруг не может поднять!

— Не я! Это — он!

Лу Ао стянул одеяло. Цзян Чжюю взглянул вниз. Гу Бай лежал под одеялом, обхватив Лу Ао руками, как растёкшаяся шоколадка, прилипшая к нему мёртвой хваткой. И сладко посапывал.

— Аоао, вы с сяо Баем так сдружились!

— У меня харизма мощная. Он меня односторонне обожает, — буркнул Лу Ао, бросая на прилипалу уничтожающий взгляд.

Взгляд был столь красноречив, что Гу Бай нахмурился, потёр глазки и проснулся. Его взгляд столкнулся с осуждающим взором Лу Ао. Он мгновенно отпустил объятия и вскочил:

— Прости, Аоао! — он оглянулся, увидел на тумбочке гору смятых салфеток — и покраснел ещё сильнее: — Сейчас всё уберу!

— Не страшно, — Цзян Чжюю подхватил обеих малышей. — Сперва умыться. Себя в порядок — потом стол.

— Хорошо, спасибо.

В ванной комнате Гу Бай увидел в зеркале свои заплаканные глаза. Он инстинктивно обернулся к Цзян Чжюю и Лу Синьюаню, готовясь объяснить. Но те не задали ни одного вопроса. Лишь, встретив его взгляд, деликатно отвернулись:

— Умывайтесь вдвоём. Мы принесём одежду на сегодня.

— Ага... — Гу Бай почесал затылок.

Лу Ао уставился на него:

— Чистить зубы сам умеешь? Мои руки — для биржевых свопов, а не для выдачи тебе пасты.

— Тогда я тебе подам, — Гу Бай встал на цыпочки, взял тюбик, выдавил пасту на щётку и протянул: — Держи.

Лу Ао без церемоний принял её и принялся бодро водить щёткой по молочным зубкам.

Вымытые, переодетые, прибравшие комнату малыши спустились к завтраку.

Из-за дождя похолодало — на них были кофты и курточки.

Завтрак приготовил дедушка Чжан: лепёшки со свининой и мэйцай³ и стакан горячего молока.

Примечание 3: (榨菜, méicài) — китайская квашеная горчичная капуста со специфическим солоновато-сладким вкусом. Классическая начинка для лепёшек.

Теста вышло много — добавили морковно-яичную начинку. Солоновато-сладкая мэйцай идеально сочеталась с пресным молоком.

Лу Ао, раздувая щёки, как у бурундука, уплетал лепёшку одной рукой, попивая молоко из другой. Ночные подвиги по утешению истомили его — срочно требовалось пополнение сил!

Гу Бай аккуратно ел свою лепёшку двумя ручками.

В голове крутился план: часы забыты в комнате. После завтрака помогу бабушке Чжану с посудой — и позвоню папе и большому папе. Каждому по три звонка. Если не ответят... Придётся просить помощи у ненавистных старейшин семьи Чжоу...

Внезапно Лу Ао, чавкая, озвучил его мысли:

— Папа, Гу Бай хочет позвонить своим отцам.

Гу Бай вздрогнул. Аоао, ну зачем вслух?!

Лу Ао продолжил, облизывая пальцы:

— Поможешь? Он по ним скучает.

— Конечно! — Цзян Чжиюй улыбнулся Гу Баю. — После завтрака мы с дядей Лу поможем позвонить. Не волнуйся: по утреннему прогнозу дождь в Наньчэне ослаб, эвакуация завершена, жертв нет.

— Спасибо, дядя Цзян...

— Да хватит теб...

Фраза оборвалась — на столе зазвонил телефон Цзян Чжиюя. На экране высветилось: «Чжоу Шо».

<http://bllate.org/book/13911/1225897>Главному злодею снова три с половиной года [ ] [ ]: Глава 35. Игра в прятки

Yánchéng Tàishòushēng

На экране телефона светилось имя входящего вызова: «Чжоу Шо».

Цзян Чжиюй поспешно принял вызов, включил громкую связь и положил телефон перед Гу Баем.

— Алло... — Гу Бай даже не успел договорить, как из телефона раздался голос Чжоу Шо:

— Цзян Чжиюй, ты дома? Дома всё в порядке? Дождь всё ещё сильный?

— Я дома, — отозвался Цзян Чжиюй. — Дождь не сильный, дома всё в порядке, у тебя дома всё в порядке, у меня дома тоже всё в порядке, — зная, о ком тот хочет спросить, Цзян Чжиюй добавил: — Сяо Бай тоже в порядке.

— А чем сяо Бай сейчас занимается? Можешь его позвать? Мы с Юньфанем звонили ему, но не дозвонились...

В этот момент Гу Бай тихо проговорил:

— Большой папа, я с Аоао как раз завтракаем, а часы забыл в комнате.

Лишь услышав голос Гу Бая, Чжоу Шо облегчённо выдохнул, и его тон смягчился:

— В следующий раз не забывай надевать часы.

— Я понял, — поспешно ответил Гу Бай. — Большой папа, ты нашёл папу? Где вы сейчас? Вы в безопасности?

Он говорил и сам не заметил, как его голос снова начал дрожать.

— Сяо Бай, не волнуйся. Большой папа уже нашёл папу, — на том конце провода Чжоу Шо заговорил торопливо, а Гу Юньфань тоже поспешил собраться и успокоить его:

— Сяо Бай, папа здесь, папа с большим папой вместе. Не волнуйся, с папой всё в порядке. Папа просто поскользнулся, телефон упал в воду и испортился, поэтому и не смог ответить.

— Папа не поранился? — спросил Гу Бай.

— Нет, конечно не поранился, с папой всё хорошо.

— М-м... — глухо отозвался Гу Бай. — А когда вы вернётесь?

— На улице всё ещё дождь, папа и большой папа в отеле. Нужно подождать, пока дождь закончится, и только потом всех будут вывозить по плану. Поэтому, возможно, ещё несколько дней.

— Ну ладно...

— Не волнуйся, как только мы сможем вернуться, папа и большой папа сразу же приедут. А ты пока поживи у Аоао дома, поиграй с Аоао, хорошо?

— Тогда будьте осторожны, хорошо кушайте, хорошо спите, закрывайте дверь номера на ключ, — Гу Бай старательно инструктировал. — И ещё, и ещё... Не забудьте прислать мне название и адрес отеля, где вы остановились. И ещё фото, видео, чтобы вы оба были в кадре.

— Знаю, сейчас же сфотографируем.

Чуть приглушённый, со стороны Гу Бая донёсся тихий голос:

— Прямо-таки «сын тревожится, когда отец уходит за тысячу ли».1

Примечание 1: Перевёртыш известной поговорки 兒行千里母擔憂 (ér xíng qiān lǐ mǔ dān yōu) — "Сын путешествует на тысячу ли, мать беспокоится".

Затем послышался звук, как Цзян Чжуй из всех сил сдерживал смех:

— Лу Синьюань, заткнись.

Чжоу Шо и Гу Юньфань нежными голосами успокаивали Гу Бая, ещё раз поблагодарили всё семейство, перевели им крупную сумму денег на расходы Гу Бая на это время и в знак благодарности.

Цзян Чжуй даже не успел отказаться, как они уже положили трубку, пришлось принять.

Чжоу Шо и Гу Юньфань не могли вернуться прямо сейчас, и, возможно, переведя деньги, они почувствовали бы себя спокойнее.

После звонка настроение Гу Бая явно улучшилось, и аппетит у него тоже стал намного лучше.

Он запрокинул голову и залпом допил молоко, затем вытер рот и протянул кружку дедушке Чжану:

— Дедушка Чжан, можно мне ещё кружечку молока?

За один завтрак Гу Бай съел три большие лепёшки с начинкой и выпил две кружки молока.

Лу Ао был поражён: нашёлся человек, который ест больше него!

***

На улице всё ещё шёл дождь, двум малышам нельзя было выйти поиграть, и они остались в супермаркете.

Лу Ао заложил руки за спину и с видом полной уверенности зашагал между стеллажами, обозревая свои «владения». Гу Бай послушно следовал за ним, широко распахнув глаза и с любопытством наблюдая.

Он спросил:

— Аоао, что ты делаешь?

Лу Ао ответил таинственным шёпотом:

— Я сравниваю товары на полках с тем, как они стояли несколько дней назад, и смотрю, что лучше всего продаётся. То, что продаётся лучше всего, я велю своим подчинённым Цзян Чжуйю и Лу Синьюаню заказать побольше. Таковы будни главного управляющего этого супермаркета!

Лу Ао поднял руку, выпрямил спину и поправил свой несуществующий галстучек.

И в этот момент со стороны кассы донёсся голос Лу Синьюаня:

— На этой неделе лучше всего продавались картофельные чипсы «Паньпань» семейной упаковкой за три юаня, со вкусом томата.

Лу Ао удивлённо высунул голову из-за стеллажа:

— Откуда ты знаешь?

Лу Синъюань указал на экран компьютера перед собой:

— Тут написано.

Цзян Чжуй и Лу Синъюань сидели, тесно прижавшись друг к другу, и еле сдерживали смех:

— Главное отличие взрослых от малышей в том, что взрослые умеют пользоваться инструментами.

— Я... — Лу Ао начал упрямиться, — Я же маленький гений! Мой мозг работает быстрее компьютера!

— Да ну? — Цзян Чжуй скрестил руки на груди и нарочито спросил: — Тогда объясни нам своим сообразительным «ребячьим мозгом», когда это папа и большой папа стали твоими подчинёнными? А?

— Папа! — услышав этот вопрос, Лу Ао поспешно окликнул его.

Хоть немного прикрой его перед заклятым другом!

— Ладно, ладно, ладно.

Редко увидишь, как Лу Ао дурачится, и Цзян Чжуй сделал перед ртом жест, будто застёгивает молнию, переставая задавать вопросы.

Лу Ао наконец остался доволен. Он повернулся: рядом стоял Гу Бай, и его наивный взгляд неотрывно следовал за Лу Ао.

Увидев, что Лу Ао посмотрел в его сторону, Гу Бай мгновенно переключился на знакомый взгляд со звёздочками, смотря на него с обожанием:

— Аоао, ты просто невероятный!

— Ну конечно же... — Лу Ао уже готов был раздуться от гордости, но вдруг вспомнил вчерашний вечер и нахмурился. — Гу Бай, ты опять притворяешься малышом.

— Я не притворяюсь, — обиженно ответил Гу Бай. — Я правда считаю тебя крутым.

— Правда?

— Ага.

Лу Ао заложил ручки за спину и направился вглубь супермаркета, подальше от папы и большого папы, продолжая обход стеллажей. Он тихо спросил:

— Раз ты тоже переродился, почему бы тебе не использовать память прошлой жизни, чтобы помочь твоему папе заработать побольше денег?

Гу Бай тоже ответил шёпотом:

— Денег не нужно слишком много, достаточно, чтобы хватало. У папы и большого папы есть свои планы, я не хочу слишком вмешиваться.

— Будь я на твоём месте, я бы сам побежал и открыл чайную с молочным чаем!

— Но я же не умею трясти молочный чай!²

Примечание 2: часть процесса приготовления, когда напиток активно перемешивают в шейкере перед подачей.

— Разве ты не умеешь делать «травяной сок»? В молочном чае есть рецепты, есть инструкции. Просто делай по шагам, и всё получится. Что тут сложного?

Гу Бай глуповато улыбнулся:

— Аоао, зарабатывать деньги — дело взрослых, а не малышей. Нам ведь всего по три года.

— И всё равно нельзя так, — Лу Ао сжал кулачки, полный уверенности. — Моя лавка должна быть открыта каждый день, без единого прогула за месяц.

— Ладно, только не перетруждайся.

Лу Ао повернулся, сморщился и с подозрением посмотрел на него:

— Ты правда не притворяешься малышом специально?

— Нет, — ответил Гу Бай. — Аоао, я просто хочу такое детство. Хочу быть глупеньким малышом, не хочу быть маленьким гением. Я тоже следую своим желаниям. Конечно, если ты хочешь быть маленьким гением, я поддерживаю тебя всеми руками и ногами! Я могу быть твоим подчинённым, помогать тебе! В мультиках рядом с умным героем всегда есть глупенький. Например, Вэй Вэй и Лань Ян³...

Примечание 3: Персонажи очень популярного китайского мультсериала Xǐ Yánguáng yǔ Huī Tàiláng / Pleasant Goat and Big Big Wolf, очень часто упоминается в этой новелле.

Лу Ао безнадежно махнул рукой:

— Я же не овца.

Два малыша добрались до угла супермаркета и принялись препираться, как два барана.

— Суперсильный Чжу и Боби!⁴

Примечание 4: Главные герои другого популярного китайского мультсериала "猪猪侠" (Zhūzhū xiá / GG Bond).

— Я же не поросёнок.

— Большой Злодей и Маленький Злодей!⁵

Примечание 5: Персонажи из мультсериала "开心宝贝" (Kāixīn Bǎobèi / The Fairly OddParents!)

— Я же не инопланетянин.

— В общем, смысл такой, — серьёзно сказал Гу Бай. — Умный Аоао и глупенький сяо Бай — мне нравится этот дуэт!

Лу Ао тихонько хмыкнул, но больше не возражал. Заклятый друг в роли его подручного — звучало неплохо.

Вдруг Гу Бай снова спросил:

— Аоао, ты пробовал что-нибудь забывать?

Лу Ао не понял:

— О чём ты?

— Сразу после перерождения я хотел забыть всё из прошлой жизни и стать настоящим малышом. Но прежде чем я успел решиться, я вдруг почувствовал, что забывать сейчас ещё нельзя.

— Почему? — спросил Лу Ао.

Гу Бай не ответил, лишь смотрел на него, улыбаясь так, что глаза превратились в щёлочки:

— Если однажды ты сам захочешь забыть воспоминания из прошлой жизни, забыть всё то и стать просто малышом — ты скажи мне. Я забуду вместе с тобой.

— Понял. Такого дня не будет, — строго заявил Лу Ао. — Память о прошлой жизни — моё самое ценное сокровище. Я же с её помощью деньги зарабатывать буду!

— Ничего страшного, можно и всю жизнь помнить. Я просто хочу помнить и забывать вместе с тобой.

Говоря это, Гу Бай протянул к нему свой мизинчик. Лу Ао с недоверием уставился на него:

— Ты чего?

— Закрепить обещание!

— А... — Лу Ао подумал, что тот дразнит его мизинцем.

Лу Ао тоже протянул мизинчик... Но тут же спрятал его и выставил вперёд большой палец:

— Я буду использовать этот палец.

— Да хоть какой! Аоао может выбрать любой пальчик! — радостно согласился Гу Бай.

Таков принцип маленького властелина.

— Замок! Крюк! Сто лет! Не меняй! Кто сменится — тот щенок! — мизинчик Гу Бая и большой палец Лу Ао сцепились и раскачивались из стороны в сторону. Гу Бай громко декламировал слова клятвы, а Лу Ао, слегка приоткрыв рот, тихонько повторял за ним.

Дождь всё ещё шёл, накапывая неторопливо и почти бесшумно.

***

Умный Лу Ао повёл своего глупенького подручного Гу Бая вдоль всех стеллажей супермаркета, а потом они посмотрели одну серию «Щенячьего патруля».

Этот дождливый день, казалось, замедлил даже ход времени.

Полчаса, отведённые на мультики, закончились. Закончились и полчаса игр на детских часах. Два малыша заскучали и стали бесцельно бродить по супермаркету, кружа туда-сюда, скользя в тапочках по кафельному полу и соревнуясь, кто проедет дальше.

Цзян Чжиюй, видя, что их игра становится рискованной, предложил:

— Аоао, сяо Бай, хотите сыграть в игру поинтереснее?

Малыши одновременно подняли головы, с одинаково вопросительным выражением лиц:

— В какую?

— Мы будем играть... — Цзян Чжиюй высоко поднял руку. — В прятки!

Гу Бай тут же поднял руку следом:

— Я согласен!

Лу Ао спросил:

— Ты вообще знаешь, что такое «прятки»?

— Не знаю! — Гу Бай встал на цыпочки, поднимая руку ещё выше. — Но согласен!

Название игры: Прятки

Зона игры: Первый этаж супермаркета. Самовольно покинувший зону автоматически выбывает.

Участники: Лу Аоао, Гу Сяо Бай, Соусная Рыба, Круглая Дорога, дедушка Чжан.6

Примечание 6: 酱鱼 (Jiàngzhīyú): Дословно "Соусная Рыба" — детское искажение имени 姜 (Jiāng Zhīyú). 路圆 (Lù Yuányuán): Дословно "Круглая Дорога" — детское/игровое искажение имени 路行 (Lù Xíngyuān).

Правила игры...

— Камень-ножницы-бумага... Камень-ножницы-бумага...

— Сяо Бай, ты проиграл. Теперь закрой личико ручками и пригнись рядом с кассой. Считай до десяти, а мы пойдём прятаться. Искать нас можно только после того, как досчитаешь! Не подглядывай!

— Понял!

Гу Бай прикрыл лицо ладошками и громко засчитал:

— Один... Два... Три...

В ушах звучали торопливые шаги и оживлённые голоса четверых прячущихся.

— Быстрее, быстрее, прячемся!

— Папа, ты меня загораживаешь! Пропусти!

— Лу Синьюань, это игра! Не ходи за мной по пятам!

— Муженёк, ты меня не учил, как играть в прятки.

— Ладно, ладно! Иди сюда. У тебя в голове нет этой программы. Прячься здесь. Учю только раз, в следующий раз не следуй за мной.

— Хорошо.

— Восемь... Девять... Десять! — Гу Бай открыл глаза и подпрыгнул на месте. — Я иду искать!

Гу Бай начал поиски от входа, осматривая каждый уголок медленно и тщательно.

Он отодвинул занавеску:

— Дедушка Чжан тут!

Открыл белую дверцу подсобки:

— Дядя Лу тут!

Похлопал Цзян Чжиюя, который повис на вешалке, изображая одежду:

— Дядя Цзян.

Но сколько Гу Бай ни ходил по супермаркету, он так и не смог найти Лу Ао.

— А Аоао? Где Аоао?

Пойманные участники автоматически присоединились к нему и тоже начали искать Лу Ао.

— Аоао? Где ты? (Прямые поиски)

— Аоао, папа уже тебя видит, выходи скорее. (Попытка обмана)

— Аоао, где ты? Дедушка Чжан сварил тебе кукурузу, выходи кушать. (Соблазнение едой)

Но в супермаркете стояла тишина, ни единого звука. Лу Ао не поддавался на уловки.

Цзян Чжиюй даже начал волноваться: неужели малыш сам убежал? Как найти потерявшегося ребёнка — вызывать полицию?

И только когда Гу Бай протяжно сказал:

— Аоао, я сдаюсь. Выходи скорее, я проиграл, — у ног Цзян Чжиюя раздался спокойный голос:

— Я здесь.

— Ааах! — Цзян Чжиюй вздрогнул и с молниеносной скоростью запрыгнул на Лу Синьюаня, обвив его руками.

Все опустили взгляд.

На нижней полке стеллажа стояли коробки с лапшой быстрого приготовления. Лу Ао, благодаря своему маленькому росту, забрался на полку, поджал ножки и сидел там среди коробок.

Чтобы скрыться, он специально взял пустую коробку от лапши и прикрылся ею спереди, оставив на виду только свои круглые, чёрные, как смоль, глазки, которые наблюдали за ними из укрытия.

Под полкой висела ценник: «Лапша „Кан Шуайфу“ 39.9 юаня».

Сейчас бы стоило написать: «Лапша „Мастер Ао“ 3.99 юаня».

Лу Ао поднял голову и серьёзно сказал:

— Папа, ты прошёл мимо меня целых пять раз.

Цзян Чжуйюй, всё ещё вися на Лу Синъюане:

— Папа не заметил, ты меня чуть не до смерти напугал!

Лу Ао отодвинул пустую коробку, извиваясь попкой, слез с полки и надел тапочки.

Это была его единственная забота. Боясь испачкать полку, он разулся, когда залезал, и поставил тапочки прямо перед ней.

Никто не заметил.

Лу Ао уверенно заявил:

— Эта игра слишком простая, совсем неинтересная.

— Маленький хвастунишка, это была всего лишь разминка! — Цзян Чжуйюй спрыгнул с Лу Синъюаня. — Теперь все знают правила! Ещё раз! Камень-ножницы-бумага!

На этот раз водить выпало Лу Синъюаню.

Первым был найден Цзян Чжуйюй. Он присел, прячась за большим холодильным шкафом.

Лу Синъюань шёл с одной стороны — он перебежал на другую. Лу Синъюань шёл с другой — он перебежал обратно. Настоящая «Тактика Циньского вана, бегающего вокруг колонны».7

Примечание 7: "□□□□'□□□□" (zhǔdǎ yīgè "Qín wáng gào zhù") — это современный китайский интернет-мем, сочетающий историческую отсылку и ироничное описание тактики уклонения. Полное объяснение длинное, оставлю в комментариях к главе.

Но когда Цзян Чжуйюй, присев, перебежал туда-сюда, он нечаянно наступил в лужу, оставленную гостями в дождливый день, и поскользнулся.

— Ай-яй! Моя попа! — Цзян Чжуйюй громко вскрикнул, сел на пол и, слёзно хлюпя, схватился за задницу.

Лу Синъюань тут же подбежал, поднял его и начал осторожно массировать:

— Сяо Юй, всё в порядке?

— Больно!

Из глубины супермаркета донеслись сдавленные смешки, похожие на писк мышат:

— Хи-хи-хи...

Цзян Чжиюй обвил руками шею Лу Синъюаня и снова повис на нём. Лу Синъюань тоже поддержал его за бёдра, крепко прижимая к себе.

Цзян Чжиюй поднял руку:

— Продолжаем искать! Найти всех подлых хитрецов, что хихикают — и маленьких, и старых!

Похоже, эта парочка сегодня не собиралась расставаться ни на минуту.

Они пошли на звук смеха и нашли Гу Бая, хихикающего в машинке-качалке⁸. Нашли дедушку Чжана, притаившегося между двумя стеллажами. И наконец нашли Лу Ао, который снял свою курточку, надел куртку большого папы, водрузил на голову кепку папы и притворился покупателем, выбирающим товар.

Примечание 8: 摇摇车 (Yáo yáo chē): Детский аттракцион/игрушка, часто стоящая у входа в магазины в Китае. Это машинка или животное, которое качается при включении (обычно с помощью монетки).

Если бы не то, что куртка большого папы была ему явно велика и волочилась по полу, Цзян Чжиюй мог бы и не заметить подвоха.

Играли, играли — и вот уже близился обеденный час. На обед были блюда на пару: тушёная свинина с кислой капустой, домашние колбаски на пару и паровой омлет. Рис и кукурузный суп на рёбрышках тоже готовили на пару, всё в одной пароварке — удобно и просто.

Дедушка Чжан установил таймер на электроплите, чтобы она сама выключилась в нужное время.

Но двум малышам не хотелось заканчивать.

— Давайте ещё один раз!

— Пожалуйста, можно ещё один разок?

Цзян Чжиюй зорко следил за Гу Баем и, увидев, что тот собирается встать на колени, схватил его за шиворот и поднял.

Лу Ао тоже сказал:

— В этот раз я хочу водить. Я ещё ни разу не водил.

— Ладно, последний раз. Водит Аоао. Закончим игру — и за стол.

— Да! — хором согласились малыши.

Лу Ао пригнулся за кассой и громко засчитал:

— Один! Два! Три!

Едва он досчитал до «Пять!», как услышал голос Цзян Чжиюя:

— Внимание всем! Пришёл покупатель! Большой папа выходит из игры, пусть идёт продавать!

— Тогда я пойду принимать деньги... — Лу Ао уже собрался поднять голову, но Цзян Чжиюй надавил ему на макушку:

— Пусть большой папа этим занимается. Ты считай дальше. Не подглядывай.

— Ладно.

Лу Ао снова наклонился и досчитал оставшиеся числа. Когда он поднял голову, то увидел Лу Синьюаня, невозмутимо сидящего за кассой. Лу Ао спросил:

— А покупатель?

Лу Синьюань невозмутимо ответил:

— Ушёл.

Лу Ао уточнил:

— Что купил?

Лу Синьюань сделал паузу:

— Один напиток.

— Какой напиток?

— Чай из восковой тыквы.

— Лу Синьюань, ты правда «дорожишь каждым словом как золотом»⁹.

Примечание 9: 惜字如金 (Xī zì rú jīn): дословно "Бережь слова как золото". Означает быть очень скупым на слова, говорить предельно лаконично.

— Спасибо. А ты умеешь использовать идиомы. Тоже «учёностью на пять телег богат»¹⁰.

Примечание 10: 學富五車 (Xué fù wǔ chē): дословно "Учёность, богатая на пять телег". Очень старая идиома, восходящая к древности, когда книги были на бамбуковых или деревянных планках и перевозились на телегах. Означает обладать обширными знаниями, быть очень эрудированным.

— ...

Лу Ао молча запомнил факт продажи одной бутылки чая из восковой тыквы и начал обыск супермаркета.

Он быстро нашёл Гу Бая и дедушку Чжана. Те переняли его прежнюю тактику: переоделись и притворялись дедушкой и внуком, пришедшими купить мороженое. Они стояли перед холодильником, держась за руки, и нарочито меняли голоса:

— Дедуля, я хочу вот это!

— Хочешь вот это? Нельзя, детка, слишком холодно сейчас, животик заболит.

Лу Ао подошёл к ним и сдёрнул шапку с головы Гу Бая:

— Попались!

Двух за один раз. Приём был его же, из прошлого раза.

Теперь оставался только Цзян Чжиюй. Сжимая кулачки, Лу Ао вместе с Гу Байем обыскал все возможные укрытия.

Дети плохо представляют размеры. Они ложились на пол, заглядывая под стеллажи. Открывали коробки с лапшой, заглядывая внутрь. Гу Бай даже встал на цыпочки, заглядывая внутрь холодильника для мороженого:

— Мой папа вряд ли там, он так мёрзнет.

— Точно.

Малыши продолжали поиски. Но безрезультатно. Как и Лу Ао в первом раунде, Цзян Чжиюй словно испарился.

— Странно, — Лу Ао почесал макушку, совершенно сбитый с толку.

Все места обыскали, как же его нет?

Гу Бай, опираясь одной рукой на Лу Ао, другой схватил себя за ногу, пытаясь заглянуть под собственную подошву. Может, дядя Цзян уменьшился? Стал маленьким, как муравей? Как пылинка?

Лу Ао безнадежно вздохнул:

— Теперь я верю, что ты не притворяешься малышом. Ты и правда такой глупенький.

Он поднял голову, и взгляд его упал на холодильник с напитками. Вдруг Лу Ао будто что-то заметил, рванув вперёд. Гу Бай удивился:

— Аоао, ты же сказал, твой папа мёрзнет! Его нет в холодильнике!

— Не в том дело! — Лу Ао встал на цыпочки, тыча пальчиком в напитки внутри холодильника, сверяя их с тем, что запомнил, и пересчитал дважды. Закончив подсчёт, он тут же повернулся к Лу Синьюаню и спросил:

— А сколько бутылок чая из восковой тыквы купил тот покупатель?

Лу Синьюань, видя, что он пересчитал напитки, уже не мог сказать «чай из восковой тыквы». Он сделал паузу:

— Не чай из восковой тыквы, видимо, я ошибся.

— Не может быть! Ты не мог забыть то, что только что продал! — Лу Ао упёр руки в бока. — Чай из восковой тыквы не убыл, покупатель его не брал! А значит, истина только одна!.. Этого

покупателя вообще не было! Это был отвлекающий манёвр!

Лу Ао зашагал на своих коротких ножках, полный важности, прямо к кассе:

— Папа, я знаю, где ты прядешься! Ты здесь! Ты внутри кассовой зоны!

Тишина. Лу Ао распахнул кассовую кабинку, зашёл внутрь, отодвинул Лу Синьюаня и сдёрнул покрывало, лежавшее рядом. И точно! Под ним сидел Цзян Чжьюй!

Цзян Чжьюй поднял руки и встал:

— Сдаюсь! Папа сдаётся!

— Ноги затекли, пока сидел, — он потопал ногами, но пошатнулся и рухнул прямо на Лу Синьюаня. Тот поймал его и обнял.

Лу Ао торжественно объявил:

— Я победил!

Гу Бай спросил:

— Аоао, как ты догадался, что твой папа здесь?

Лу Ао скрестил ручки на груди, гордо поднял подбородок:

— В самом начале игры произошёл один маленький эпизод, помнишь? Мой папа вдруг сказал, что пришёл покупатель, и что большой папа должен его обслужить и выйти из игры. Но я досчитал всего до пяти, открыл глаза — и покупатель уже «ушёл». Покупатель не мог за пять секунд успеть открыть холодильник, выбрать напиток, отсканировать и оплатить. Это первая зацепка.

— Большой папа сказал, что купили чай из восковой тыквы. Но я только что пересчитал его в холодильнике — ни одной бутылки не убыло. Это вторая зацепка.

— Большой папа сильнее всего на свете любит папу! Он и минуты не может без него! Но в этот раз, пока мы искали папу везде, большой папа совсем не волновался! Он спокойно сидел за кассой и... всё время тихонько хихикал! Это третья зацепка!

— Поэтому я сделал вывод! Не было никакого покупателя с чаем! Покупателя выдумал папа, чтобы большой папа вышел из игры, прикрыл его и отвёл моё внимание от кассы! А значит, папа прятался прямо рядом с большим папой!

Лу Ао стоял, гордо скрестив руки, будто на него падал луч света, а вокруг звучала торжественная музыка:

— Папа, мой мозг всё же лучше компьютера, да?

— Лучше, лучше, — улыбнулся Цзян Чжьюй.

Гу Бай, подперев лицо ладонками, смотрел на него заворожённо, словно готовый упасть в обморок от восхищения:

— Аоао, ты и правда непревзойдённый маленький гений!

Yánchéng Tàishòushēng

Сыграв последний раунд прятки, они услышали, как дедушка Чжан позвал их с второго этажа:

— Кушать подано!

— Идём!

Гу Бай откликнулся, схватил Лу Ао за руку и потащил наверх.

Коротенькие ножки Гу Бая задвигались, словно огненные колёса¹: виднелись лишь их размытые следы. Лу Ао, которого он тянул за собой, хоть и бежал следом, умудрялся сохранять бесстрастное и спокойное выражение лица.

Примечание 1: 响轮 (xiàng fēnghuǒ lún). Отсылка к волшебным огненным колёсам Нечжы (Nézhā), одного из популярных персонажей китайской мифологии (часто изображается в детском/подростковом возрасте), которые позволяли ему очень быстро передвигаться по земле и по воздуху.

— Дедушка Чжан, я пришёл! Сяо Бай пришёл! Сяо Бай и Аоао пришли!

— Ты что, император? Объявлять о себе трижды подряд? — спросил Лу Ао.

— Ага... — бодро ответил Гу Бай.

— Что?! — Лу Ао был потрясён.

Гу Бай лишь глупо ухмыльнулся и поправился:

— Аоао пришёл! Умный Аоао привёл сяо Бая! Аоао — маленький император, Аоао желает трапезничать!

Это уже было куда лучше, и Лу Ао остался доволен.

Лу Ао сделал два широких шага вперёд, вышел вперёд Гу Бая и повёл его за руку вверх по лестнице. Два малыша семенили своими коротенькими ножками, тяжело дыша: «Хэй-хо, хэй-хо» — пока взбирались по ступенькам.

У кассы Цзян Чжуйюй, наблюдая за удаляющимися спинками двух малышек, не смог сдержать смех:

— Сяо Бай всегда такой забавный. Играть с этим хмурым малышом Аоао ему как раз подходит.

— Верно, — согласился Лу Синьюань. — Между ними происходит реакция нейтрализации. Гу Бай не будет постоянно смеяться, рискуя задохнуться от смеха. А Лу Ао не будет вечно хмуриться и выглядеть несчастным.

— Что это за дурацкое сравнение? — рассмеялся Цзян Чжуйюй.

— Химическое сравнение, — с полной серьёзностью ответил Лу Синьюань. — Проходили в средней школе.

Цзян Чжюй засмеялся ещё громче:

— А почему у нас с тобой не происходит такой «реакции»?

— Происходит, я же смеюсь, — Лу Синъюань тронул уголки губ, и глаза его тоже наполнились улыбкой. — Просто моя улыбка не так заметна. Аоао только что сказал: большой папа всё время тихонько хихикает.

Цзян Чжюй продолжал смеяться, пока дедушка Чжан не позвал их снова с второго этажа, и два малыша не присоединились к окликакам сверху:

— Дядя Цзян, дядя Лу, кушать подано!

— Я голоден! Чжэнь² голоден!

Примечание 2: 朕 (zhèn). Традиционное самоназвание китайского императора, эквивалентное "Мы" в царском указе.

— Идём, идём! — отозвался Цзян Чжюй, соскользнул со стула и схватил Лу Синъюаня за руку.
— Пошли есть.

Лу Синъюань встал и, воспользовавшись тем, что никто не видит, погладил Цзян Чжюя по голове, отодвинул волосы с его лба и нежно поцеловал его в лоб. Он давно хотел поцеловать Цзян Чжюя. Ещё с того момента, как начался последний раунд прятков.

Цзян Чжюй прятался под кассой, присел рядом с ним, накрыв голову серым пледом, ухватившись за его брючину. Когда он поднял голову, его чёрные глазки были круглыми-круглыми, а зрачки так и бегали.

Словно котёнок.

Выглядел очень целовательным.

Он хотел воспользоваться моментом, пока Лу Ао и Гу Бай были за стеллажами, и быстро чмокнуть Цзян Чжюя. Но Цзян Чжюй сразу понял, что он задумал, протянул лапку, шлёпнул его по щеке и велел не безобразничать.

И вот он терпел до сих пор.

Оставив лёгкий поцелуй на лбу Цзян Чжюя, Лу Синъюань взял его за руку и, подражая недавним словам Гу Бая, провозгласил:

— Сяо Юй пришёл! Умный Сяо Юй пришёл! Сяо Юй-император пришёл!

— Неверно, — с полной уверенностью поправил Цзян Чжюй. — Аоао — маленький император, а я — Тайшанхуан³.

Примечание 3: 太 Shanghuáng (Tàishàng huáng). Титул "Великий Император-Предок" или "Император в отставке". Присваивался отцу правящего императора.

— А я тогда кто?

— Тайшанхуан, Ванчжунван, колбаска, а желе я хочу «Сили»!⁴ — легко слетело с языка Цзян Чжюя, получилось очень складно.

Примечание 4: 泰山皇王火童宮動窩
yào Xīzhīláng). Это импровизированная, рифмованная считалочка/дразнилка, сочинённая Цзян Чжиюем на ходу. Подробнее снова будет в комментариях.

Лу Синьюань нахмурился. Цзян Чжиюй хихикнул, обвил руку Лу Синьюаня и повис на нём:

— Ты — супруг Тайшанхуана.

Лу Синьюань наконец остался доволен.

Молодая парочка поднялась на второй этаж. Лу Ао и Гу Бай уже сидели за столом.

Дома был только один детский стульчик. Дедушка Чжан, боясь, что дети не достанут до блюд, сидя на обычных стульях, подложил на сиденья пледы и подушки. У стульев были подлокотники, и он добавил ремни, так что падать с них было не страшно.

По сравнению с фабричным детским стульчиком, самодельный «трон» явно привлекал малышей куда больше. Два малыша договорились сидеть на «троне» по очереди, и за этот приём пищи очередь была Лу Ао.

Лу Ао в нагруднике-слюнявчике восседал на своём месте, глядя на всех свысока.

Гу Бай сидел рядом с ним, поднял обе руки, упёрся ладонями в столик перед стульчиком и тут же разыграл сцену «пять членов тела касаются земли»⁵:

— Сяо Бай приветствует Императора Аоао! Императору десять тысяч лет, десять тысяч раз по десять тысяч лет!

Примечание 5: 五體投地 (wǔ tǐ tóu dì). Традиционная высшая форма поклона/простиранья ниц в Китае (и других азиатских культурах), символизирующая предельное уважение или преклонение. "Пять членов тела" (五體, wǔ tǐ) — это два колена, два локтя (или две руки) и лоб.

Лу Ао слегка приподнял подбородок и воздел руки:

— Освобождаю от церемоний и дарю кушанья.

Дедушка Чжан молча наблюдал за их взаимодействием, невольно сморщив лицо.

Современных детей не понять. Как это у них реставрация феодализма развернулась?

Гу Бай поднял голову:

— Аоао, за ужином моя очередь.

— Угу, — кивнул Лу Ао. — За ужином очередь сидеть мне на стульчике, а ты тогда мне поклонисься.

— Да-да-да...

Не успел он договорить, как Цзян Чжиюй щёлкнул Лу Ао по лбу:

— Так нельзя, надо играть по очереди.

Лу Ао прикрыл лоб рукой:

— Сяо Бай сам хочет.

Гу Бай тоже глупо ухмыльнулся:

— Дядя Цзян, я хочу.

— Всё равно нельзя. Вы друзья, и вы обязаны меняться.

— Ладно, — Лу Ао развернулся к Гу Баю, поднял ручонку, словно сдаваясь. — Возвращаю тебе.

На обед подали большую пароварку с блюдами: тушёная свинина с овощами мэйцай, паровой омлет, домашние колбаски на пару, а также пропаренный рис и суп из свиных рёбрышек с кукурузой, приготовленный на пару.

Овощи мэйцай были теми самыми, из которых утром делали лепёшки. Дедушка Чжан специально припас немного, чтобы подать их со свиной грудинкой «три слоя жира, два слоя мяса», нарезанной ломтиками.

Изначально ровно уложенная на дно миски грудинка после готовки переворачивалась на тарелку, и мясо оказывалось сверху. Замоченные овощи мэйцай сами по себе выделяют сок, да и пар при готовке, если крышка прилегала не идеально, капал вниз. Два малыша поливали этим сладко-солёным соусом свой рис.

Омлет был нежным и водянистым, а колбаски купили в соседней утиной лавке — с крупными кусочками мяса, ароматные на вкус.

Рис, приготовленный на пару, не был твёрдым, кукуруза в супе была сладкой — Лу Ао и Гу Бай ели с удовольствием.

Но суп был слишком горячим, и кукуруза тоже. Ручонки у малышей были слишком маленькими, да и палочками они владели неискусно. Подхватить кукурузу никак не получалось — подцепят, и она тут же соскальзывает, падая обратно в супницу и обрызгивая их самих бульоном.

Цзян Чжиюй и Лу Синъюань просто взяли их палочки, воткнули их в кочерыжки кукурузы, соорудив таким образом импровизированные «дубинки», и дали малышам держать их в руках и грызть.

Каждый малыш съел по два початка.

После обеда они снова захотели играть в прятки, но взрослые не разрешили.

Только что поели — никаких активных игр. Цзян Чжиюй и Лу Синъюань отвели их в комнату, собираясь немного с ними поиграть, а потом уложить спать.

Как раз на прошлой неделе они ездили в парк развлечений, фотографировались, а снимки ещё не разбирали.

Двое взрослых и двое малышей сели, скрестив ноги, в кружок.

Цзян Чжиюй взял цифровой фотоаппарат и стал показывать им снимки один за другим.

Лу Ао и Гу Бай у входа в парк развлечений, встают на цыпочки, чтобы получить билеты из рук кассира.

Лу Ао и Гу Бай идут по дорожке парка развлечений, держась за руки, с маленькими рюкзачками за спиной, к которым привязаны воздушные шарик.

Вдруг Гу Бай схватил Лу Ао за руку, присел на корточки и крепко обнял его.

Лу Ао до сих пор помнил, что сказал тогда Гу Бай:

— Аоао, не улетай!

Потому что в маленьком рюкзачке Лу Ао почти ничего не было, а шарик, привязанный к нему, поднял сам рюкзачок в воздух. Гу Бай подумал, что Лу Ао тоже вот-вот улетит, и поспешно схватил его.

Лу Ао и Гу Бай играют в надувном замке, скатываются с горки, волосы обеих малышей развеваются.

Лу Ао и Гу Бай сидят на карусели: Лу Ао бесстрастен, Гу Бай сияет улыбкой и показывает в камеру «V».

Большинство фотографий были сняты с двумя малышами, но были и снимки Гу Юньфаня и Чжоу Шо. Гу Бай посмотрел их и попросил дядю Цзяна отправить им.

Пока они просмотрели все фото, уже подошло время дневного сна.

Цзян Чжуй похлопал малышей по попкам:

— Сходите пописать, а потом в кровати.

— Ладно, — послушно откликнулся Гу Бай.

Но Лу Ао протянул пальчик и ткнул в экран камеры:

— Тут ещё фото.

— Да? Я и не заметил.

Цзян Чжуй присмотрелся. Это была папка, которую он не замечал, с названием в виде маленького сердечка (♡).

Лу Ао сказал:

— Последнее изменение было несколько дней назад. Значит, там тоже фото с парка развлечений.

Лу Синъюань попытался остановить, слабым голосом возразив:

— Не надо смотреть.

Цзян Чжуй подозрительно посмотрел на него и открыл папку:

— А я хочу посмотреть.

Чем больше Лу Синъюань так говорил, тем больше Цзян Чжуйю хотелось это сделать.

Цзян Чжуй открыл папку и, разглядев содержимое, погрузился в молчание.

Эм-м...

Там были только его фотографии.

Цзян Чжуй с рюкзачком в виде белой утиной попки.

Цзян Чжуй в ободке с огромным красным бантом.

Цзян Чжуй с огромным, невероятно высоким мороженым в руке, которое покачивается так, что видны размытые следы движения.

На следующем фото мороженое, словно «Пизанская башня», наклонилось вбок, а Цзян Чжуй раскрыл рот, пытаясь поймать его.

На фото после этого: мороженое упало на землю, Цзян Чжуй присел рядом, широко раскрыв рот и ревя во весь голос, одновременно вытирая пол салфеткой.

В этот момент Лу Ао и Гу Бай стояли впереди в очереди на надувные батуты, поэтому ничего не заметили.

Лу Ао сморщил личико и поднял на него взгляд:

— Папа, так сколько же кусочков мороженого ты съел?

— Я съел... — Цзян Чжуй запнулся, — съел три кусочка. А рожок в руке — съел весь.

— Ты... — Лу Ао не мог сказать ничего жёсткого, только разочарованно вздохнул: — Э-эх!

Просто в гроб вгоняет!

Голос Лу Синьюаня по-прежнему звучал слабо:

— Сяо Юй, я же говорил не смотреть.

— Откуда мне было знать, что ты там хранишь? — Цзян Чжуй поспешно нажал на камере, вышел из папки, выключил камеру и похлопал малышей: — Ладно, ладно, хватит смотреть, идите пописать.

— Ик! — внезапно Гу Бай икнул.

— Что такое? — Цзян Чжуй помассировал ему животик. — Слишком плотно поел в обед?

Гу Бай улыбнулся:

— Я наелся «собачьего корма» от дяди Цзяна и дяди Лу, ик! Так сыт!

Отлично сказано! Как же это тронуло сердце дяди Лу!

Лу Синьюань быстро вскочил на ноги:

— Я принесу тебе воды.

— Спасибо.

Лу Ао первым пошёл в туалет и переоделся в пижаму. Пока Гу Бай справлялся с икотой, он

тоже пошёл привести себя в порядок.

Шторы были задёрнуты. Снаружи комнаты доносился усыпляющий шум дождя, внутри царил полумрак. Два малыша лежали в кровати рядышком.

Цзян Чжюй спросил их:

— Одним одеялом накрыться или двумя?

Гу Бай:

— Одним!

Лу Ао:

— Двумя.

— Ладно, двумя так двумя, — тихо пробормотал Цзян Чжюй. — Всё равно потом слипнутся, как моти.

— Ни за что! — громко возразил Лу Ао.

— Ладно, — Цзян Чжюй укрыл их одеялами и собрался уходить.

Лу Ао поспешно спросил:

— А сказку сегодня не считаешь?

— Днём сказки не читаем.

— Тогда... тогда похлопай меня.

— Ладно.

Цзян Чжюй покорно сел на край кровати и начал ритмично похлопывать Лу Ао, накладывая на него заклинание «Малыш, спи скорее, а то серый волк утащит!».

Тем временем Гу Бай достал свои умные часики и включил видео, присланное ему его папой и большим папой.

— «Привет, сяо Бай! Смотри, папа тут, большой папа тут. Мы сейчас в отеле. Давай покажем тебе номер...»

Лу Синъюань помог, поглаживая Гу Бая по груди.

Гу Бай закрыл глаза, слушая голоса папы и большого папы, и тоже постепенно уснул.

Как и предсказывал Цзян Чжюй, уснув, малыши слиплись: Гу Бай ловко приподнял одеяло Лу Ао, перевернулся и прямым закатился под него.

Лу Ао, хоть и сморщил личико, почувствовал себя в безопасности, перевернулся и ухватился за одеяло Гу Бая.

Они прижались друг к другу, словно плюшевые мишки, плотно-плотно, даже пузики соприкоснулись.

«Мы одной крови».

Слова Гу Бая в этот момент воплощались особенно ярко.

Цзян Чжуйюй и Лу Синъюань на цыпочках вышли, вернулись в свою комнату, тоже переоделись в пижамы и приготовились вздремнуть.

На большой кровати Лу Синъюань обнял Цзян Чжуйюя за плечи, а Цзян Чжуйюй устроился, положив голову ему на руку. Молодая парочка тоже сладко спала.

Послеобеденное время, наполненное шумом дождя. Воздух был чуть прохладным, и одеяло согревало как раз в меру.

Весь мир затих. Лишь под карнизом слышался тихий шорох капель: кап-кап, кап-кап...

***

Гу Бай гостил в доме Лу Ао три или четыре дня.

Мелкий дождик моросил непрерывно, и два малыша каждый день были неразлучны: вместе ели, вместе спали, вместе играли.

Уровень штормового предупреждения снижался с красного до оранжевого и, наконец, до жёлтого.

И вот, на пятый день, предупреждение о ливне было окончательно снято.

В новостях показывали ситуацию в южных областях, наиболее пострадавших от наводнения. Благодаря организованным действиям сотрудников все люди были благополучно эвакуированы, жертв не было.

Просто кое-где остались подтопления, требующие восстановительных работ.

Именно в это время Гу Юньфань и Чжоу Шо позвонили Гу Баю и сказали, что забронировали билеты на самолёт сегодня ночью и скоро смогут вернуться.

Гу Бай очень обрадовался, но почти сразу же стал серьёзным и спросил Гу Юньфаня:

— Папа, а твоя работа завершена? Со мной всё в порядке, я могу подождать ещё несколько дней. Ты обязательно должен закончить работу, прежде чем возвращаться.

Гу Юньфань рассмеялся в ответ:

— Не волнуйся, папа уже закончил работу. Папа и партнёры остановились в одном отеле, так что как раз удалось обсудить бизнес. Мы всё уладили, ещё пока дождь не прекратился.

— Вот и отлично, — Гу Бай снова засиял от счастья. — Тогда завтра я встречу папу и большого папу дома!

— Хорошо, жди нас тогда на перекрёстке улиц.

— Угу-угу.

Гу Бай повесил трубку и, сияя от счастья, сказал Лу Ао:

— Мой папа и большой папа возвращаются домой!

Лу Ао вздохнул:

— Я слышал, у тебя была включена громкая связь.

— Ох, — Гу Бай улыбнулся. — Аоао, самое главное — чтобы все были в безопасности. Помимо того, чтобы все были целы и невредимы, у меня нет других желаний.

— Ну и амбиции у тебя, — пробурчал Лу Ао, поднимаясь с ковра. Он развернулся и побежал прочь: — Цзян Чжуйюй! Лу Синьюань! Папа Гу Бая снова заключил сделку! А вы двое? Какая сегодня выручка в супермаркете?

Цзян Чжуйюй и Лу Синьюань как раз сидели за кассой, втиснувшись на один стул, и смотрели мультики.

Услышав его очередной вопрос, Цзян Чжуйюй схватился за голову.

— Аоао, ты сам старайся, сам долби себя как хочешь. Я папа, не надо меня долбить...6

Примечание 6: 鸡娃 (jī wá). Это популярный китайский интернет-сленг (особенно среди родителей). Буквально "долбить/пичкать ребёнка". Означает интенсивное, часто чрезмерное, давление на ребёнка с целью добиться от него высоких результатов в учёбе, на дополнительных занятиях, в спорте и т.д. Родитель, активно "долбящий" своего ребёнка, называется "鸡娃家长" (jī wá jiāzhǎng).

Лу Синьюань, мгновенно сообразив, быстро зажал ему рот рукой:

— Сяо Юй!

Так нельзя говорить!

Слишком грубо!

Лу Ао почесал в затылке, ничего не понимая.

***

На следующий день Гу Бай проснулся очень рано.

На улице было ещё темно.

Лу Ао всё ещё крепко спал, и Гу Бай не стал его будить, лишь осторожно протянул руку, взял свои детские часики и посмотрел время — не прислали ли папа и большой папа сообщений.

Было всего около шести утра.

Папа и большой папа, наверное, тоже боялись его разбудить и не написали. Гу Бай прижал часики к себе, ожидая сообщения, и незаметно снова уснул.

Повторный утренний сон всегда особенно сладок.

Прошло ещё два часа. Лу Синьюань зашёл разбудить их. Гу Бай всё ещё был в полусне и не хотел вставать.

Пока Лу Ао не сказал:

— Твой папа уже приехал.

Тут Гу Бай мгновенно проснулся.

Два малыша, как и в предыдущие дни, ловко почистили зубы, умылись, переоделись и пошли завтракать.

Небо по-прежнему было пасмурным, моросил мелкий дождик.

Гу Бай не хотел ждать внутри супермаркета — он настаивал, что будет ждать на перекрёстке улиц.

Цзян Чжуйюй и Лу Синъюань достали два маленьких детских дождевика и две пары детских резиновых сапожек, чтобы их надеть.

Дождевика были прозрачными — один розовый, другой голубой, похожие на желе.

Вот только неизвестно, пахли ли они так же, как желе.

Гу Бай поднял рукав, уже собираясь попробовать на вкус, но Лу Ао остановил его.

Лу Ао одной рукой зажал ему рот, а другой поднёс материал дождевика к его лицу:

— Понюхай носом.

Гу Бай глубоко вдохнул и чуть не упал, пошатнувшись.

Как воняет!

Его чуть не свалил с ног запах резины!

Это было совсем не желе!

Лу Ао вынес вердикт:

— Ты маленький глупыш.

Малыши, полностью экипированные, вместе вышли под дождь. Резиновые сапожки шлёпали по лужицам, поднимая крошечные брызги.

Двое взрослых, держа зонты, шли следом за ними.

Двадцать минут назад Гу Юньфань и Чжоу Шо сообщили, что уже рядом с торговым центром и скоро будут дома.

Малыши дошли до перекрёстка и некоторое время увлечённо шлёпали по воде на тротуаре.

Вскоре сквозь пелену дождя показался маленький зелёный электрокар.

Глаза Гу Бая загорелись, он тут же поднял руку и принялся энергично махать:

— Папа! Большой папа!

Зелёный электрокар остановился прямо перед ними. Дверь пассажирского сиденья открылась, и вышел Гу Юньфань.

Чжоу Шо припарковался поблизости, взял зонт и вышел с водительского места, чтобы прикрыть Гу Юньфана.

Но Гу Бай, который только что так нетерпеливо ждал, увидев их, вдруг замер.

Гу Юньфань неуверенно позвал:

— Сяо Бай?

Чжоу Шо улыбнулся:

— Неужели? Всего несколько дней не виделись, и ты уже своих папу и большого папу не узнаёшь?

Гу Бай бросился вперёд и громко потребовал:

— Вы же говорили, что не пострадали! Тогда что это?!

Он указал на гипс на правой руке Гу Юньфана. Глаза его покраснели, слёзы уже наворачивались и готовы были вот-вот хлынуть.

— Папа, ты же говорил, что не ранен! Что случилось? Не зря ты на видео никогда не показывал себя полностью! Ты меня обманул!

— Ладно, ладно, — Гу Юньфань подошёл и здоровой левой рукой погладил его по голове. — Прости, прости, папа просто не хотел тебя беспокоить.

Гу Бай громко «хмыкнул», затем развернулся и побежал назад, встал рядом с Лу Ао.

Лу Ао с полной серьёзностью заявил:

— Папа, который обманывает своего малыша, не заслуживает доверия.

Цзян Чжуй протянул руку и зажал Лу Ао рот, превратив его в утёнка:

— Аоао, заткнись.

Гу Бай энергично кивнул:

— Точно! Объяснения — это лишь оправдания, оправдания — это признание вины!⁷

Примечание 7: 洗不白 (jiěshì jùshì yǎnshì, yǎnshì jùshì shìshí). Очень распространённая китайская поговорка (часто используемая в спорах или при подозрениях). Она подразумевает, что излишние объяснения или оправдания человека, которого в чём-то подозревают, на самом деле лишь подтверждают его вину или попытку скрыть правду.

Гу Юньфань объяснил:

— Папа же говорил тебе, что случайно упал в воду, помнишь? Папа упал в воду и инстинктивно опёрся рукой — вот так и получилось. Папа не хотел тебя тревожить, поэтому и не сказал. Планировал рассказать, когда вернёмся. Сяо Бай, не сердись, папа виноват.

Чжоу Шо тоже извинился перед ним:

— Прости, мы были неправы.

Гу Бай смягчился:

— Тогда... тогда в следующий раз, если что-то случится, вы обязательно должны мне сказать!

— Ладно, — отозвался Гу Юньфань, протягивая к нему руку.

Гу Бай стал ёрзать и упрямитесь, не желая подходить.

Тогда Гу Юньфань сам подошёл к нему и обнял левой рукой:

— Не сердись.

Лу Ао всё ещё надул губы, чувствуя несправедливость — ему казалось, Гу Бай слишком легко их простил. Он хотел что-то сказать, но Цзян Чжиюй удержал его.

Две семьи пошли друг за другом по тротуару в сторону супермаркета.

Гу Юньфаню и Чжоу Шо наконец удалось успокоить Гу Бая. Семья втроём шла, взявшись за руки: Гу Бай посередине весело подпрыгивал.

Давно не видевшаяся семья излучала радость и гармонию.

Гу Юньфань улыбаясь спросил:

— Хорошо спал в доме Аоао? Не мучила бессонница в чужой кровати? Не шумел ночью?

— Конечно, нет! Я спал отлично! Я спал с Аоао, его кровать и одеяло такие мягкие-мягкие, очень уютные.

Лу Ао: ?

— А что вкусенького ты кушал в доме Аоао? Надеюсь, не питался одними супермаркетными снеками? Так нельзя.

— Я не ел много снеков, только две пачки «Мими», — громко ответил Гу Бай. — И ещё я ел «собачий корм»!

Лу Синьюань: ?

Цзян Чжиюй: ???

Мир погрузился в тишину.

Тишина длилась лишь секунду, а в следующее мгновение весь мир взорвался!

Идущая впереди тройка остановилась. Чжоу Шо и Гу Юньфань разом обернулись, их взгляды, словно лучи прожекторов, устремились на Цзян Чжиюя и Лу Синьюаня.

«Мы же с самого начала перевели вам десять тысяч юаней на содержание нашего малыша, а вы кормили его СОБАЧЬИМ КОРМОМ?!»

«Пусть имя „сяо Бай“ звучит как собачья кличка, но это же не повод действительно давать ему собачий корм?!»

— Нет... — Цзян Чжюй первым пришёл в себя и громко оправдывался. — Невинновны! Мы никогда не давали сяо Баю собачьего корма! Сяо Бай всегда ел человеческую еду вместе с нами! Что ели мы, то ел и он!

Лу Синъюань поспешил помочь жене:

— Спросите Лу Ао или дедушку Чжана!

— Да-да-да! Если не верите, спросите Аоао или дедушку Чжана! Дедушка Чжан все эти дни только и делал, что готовил им всякие вкусности! Никакого собачьего корма!

Гу Юньфань и Чжоу Шо, будучи взрослыми, не были настолько глупы, чтобы вот так сразу поверить словам Гу Бая.

Гу Юньфань нахмурился, с недоумением спросив:

— Может, он съел какие-нибудь печенья в форме косточек? Или погрыз большую кость?

— Тоже нет, — ответил Цзян Чжюй, подумав. — При варке бульона кости были, но он же их не ел!

В этот момент Гу Бай поднял голову и с восторженным видом пояснил:

— Дядя Цзян и дядя Лу очень любят друг друга, я наелся их «собачьего корма». Папе и большому папе нужно у них поучиться, быть повлюблённее.

В следующее мгновение Лу Ао подошёл к нему и безжалостно зажал ему рот рукой.

— А-а-а! — издал Гу Бай.

— Будешь знать, как нести чушь! — провозгласил Лу Ао.

Гу Юньфань и Чжоу Шо не стали вмешиваться. Более того, они начали аплодировать и подбадривать:

— Отлично! Сильнее зажимай! Аоао, дави сильнее! Когда вернёмся, дядя Гу и дядя Чжоу угостят тебя молочным чаем и пирожным! Сегодня надо обязательно отучить его от этой вредной привычки болтать ерунду! Зажимай!

<http://bllate.org/book/13911/1225899>

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17729/1662051>